
Ненужная
жена
чёрного дракона
Лиссбет Котцова

Лиссбет Котцова

Ненужная жена чёрного дракона

https://litres.ru/74391323

Аннотация

Мой муж вернулся с войны героем. Не один. Он привёл во дворец свою истинную пару — прекрасную, светлую, признанную храмом. А мне, законной жене чёрного дракона, велел подписать развод до рассвета. Он думал, я буду плакать. Думал, стану умолять. Думал, исчезну тихо, как и жила все эти годы. Но прежняя Айлин действительно умерла в ту ночь. А я — нет. Теперь у меня нет защиты рода Карахан, почти нет денег и нет права на ошибку. Зато есть старая лавка у Пепельных ворот, дар синей искры, способный лечить проклятых драконьих детей, и тайна, о которой Демир Карахан пока не знает. Я беременна. Если он узнает — ребёнка заберут. Если узнает храм — нас обоих уничтожат. Но я больше не буду ненужной женой, которую можно вычеркнуть из жизни одним росчерком пера. Пусть мой дракон выбрал истинную. Я выбрала себя.

В книге будет: развод с чёрным драконом, ложная истинная, тайная беременность, магическая лавка у Пепельных ворот, проклятые дети, редкая синяя искра, дворцовые интриги, больное прошлое, медленное искупление героя и героиня, которая из

“ненужной жены” станет женщиной, без которой рухнет вся ложь империи

Содержание

Глава 1. Чужое лицо в зеркале 5
Глава 2. Истинная 20
Глава 3. Не умолять 35
Глава 4. Вы — больше нет 52
Глава 5. Дом, который не открылся 72
Глава 6. Пепельные ворота 90
Глава 7. Первый пациент 104
Глава 8. Чёрная ворона 123
Глава 9. Лавка с крысами 143
Глава 10. Три дня на жизнь 161
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Глава 1. Чужое лицо в зеркале

Первым вернулся вкус горечи.

Он лежал на языке тяжёлым, маслянистым пятном, забивался под нёбо, стекал в горло, и от него хотелось вывернуться наизнанку. Лейла попыталась сглотнуть — и поняла, что не может. Горло словно обожгли изнутри, губы пересохли, а тело было чужим, ватным, непослушным.

Она лежала на полу.

Не на больничной плитке. Не на ковре в собственной квартире. Не на холодном линолеуме коридора, где она однажды упала после ночного дежурства и смеялась от усталости, потому что подняться уже не было сил.

Пол под щекой был мраморным.

Чёрным, прожиленным тонкими красноватыми линиями, будто где-то глубоко в камне ещё тлел огонь.

Лейла открыла глаза.

Над ней плыл потолок — высокий, чужой, украшенный резьбой, золочёными дугами и тяжёлыми тенями. В углах горели не лампы, а узкие чаши с тёмно-алым пламенем. Пламя почти не давало света, только подрагивало, как живое, отбрасывая на стены длинные крылатые тени.

Где я?

Мысль появилась спокойно, почти профессионально. Так бывало, когда привозили ребёнка после аварии, когда роди-

тели кричали, врачи говорили слишком быстро, а внутри у Лейлы всё становилось ледяным и точным.

Где я? Что с телом? Дыхание есть. Рвоты нет. Сознание спутано. Возможное отравление.

Она попыталась опереться на локоть.

И едва не вскрикнула.

Боль прошла по рукам, груди, животу — не острая, а глубокая, выматывающая, будто тело долго плакало без неё, а теперь предъявило счёт.

На запястье что-то звякнуло.

Лейла медленно подняла руку.

Тонкое запястье. Не её.

Пальцы — длинные, бледные, с аккуратными ногтями. Не её.

На руке — широкий брачный браслет из тёмного металла, тяжёлый, холодный, с крошечными чёрными камнями. Под ним кожа была натёрта до красноты.

Лейла замерла.

Потом резко села.

Комната качнулась. Тьма вспыхнула по краям зрения, во рту снова поднялась горечь. Она зажала губы ладонью, дыша часто, рвано, пока приступ тошноты не отступил.

Напротив стояло зеркало.

Высокое, в раме из чёрного дерева, с вырезанными по краю драконьими головами.

Из зеркала на неё смотрела незнакомая женщина.

Молодая. Бледная до прозрачности. С тёмными волосами, распущенными по плечам. В белом платье, расшитом серебром. С серо-зелёными глазами, слишком большими на исхудавшем лице.

Красивое лицо.

Несчастное лицо.

Чужое лицо.

Лейла медленно подняла руку — женщина в зеркале повторила движение. Коснулась щеки — и отражение коснулось. Провела пальцами по губам, по шее, ниже, к ключице, где под кожей темнел тонкий шрам в форме полумесяца.

В тот же миг боль вспыхнула у сердца.

Не телесная даже. Другая.

Тихая, женская, страшная.

Как будто кто-то долго стоял у закрытой двери и ждал, ждал, ждал, пока его впустят, а потом понял, что в доме уже накрыт стол для другой.

Перед глазами мелькнули обрывки.

Мужчина у окна. Тёмная спина. Холодный голос:

“Я уезжаю на север. Домом займётся Гюльшан”.

Письмо на плотной бумаге: “Жив. Не жди подробностей”.

Длинный коридор. Слуги, отворачивающие глаза.

Белые руки жрицы у груди. Чаша. Огонь. Боль. Чьё-то спокойное: “Терпите, госпожа. Так нужно для брачной клятвы”.

И имя.

Айлин.

Лейла схватилась за край туалетного столика.

— Нет, — выдохнула она, но голос был не её.

Тоньше. Мягче. Сломаннее.

Где-то за дверью послышались шаги.

Лейла — или Айлин? — обернулась так резко, что снова едва не упала. Сердце забилось неправильно: не только от страха. Тело узнало эти шаги раньше разума.

Тяжёлые. Ровные. Уверенные.

Шаги человека, перед которым двери открывались сами.

Она оглянулась в поисках оружия. На столике стоял хрустальный флакон, опрокинутый, с тёмной каплей на горлышке. Рядом — серебряная шпилька, салфетка, тонкая цепочка, маленькая чашка с остатками густой жидкости.

Яд.

Понимание пришло так просто, что стало холодно.

Эта женщина не упала. Она не заболела. Она выпила яд.

Лейла не успела додумать.

Дверь открылась.

В комнату вошёл мужчина.

И воздух изменился.

Он был высоким — слишком высоким для этой комнаты, хотя потолки уходили куда-то в тень. Чёрные волосы, строгий профиль, глаза цвета угля под пеплом. Лицо красивое не мягкой красотой, а той, от которой хочется сделать шаг назад. На нём был тёмный военный кафтан, застёгнутый до

горла, с серебряной вышивкой на плечах. От него пахло дымом, холодным металлом и чем-то горьким, как обожжённая земля после пожара.

Чёрный дракон.

Мысль не была Лейлиной. Она пришла из глубины чужого тела — вместе со страхом, ожиданием, надеждой, которая почему-то всё ещё не умерла до конца.

Демир.

За его плечом стояла девушка в белом.

Она казалась сотканной из света: светлые волосы убраны под тонкую вуаль, лицо нежное, почти прозрачное, руки сложены у груди так кротко, будто она вошла в комнату не разрушать чужую жизнь, а молиться за неё.

Но Лейла сразу заметила: девушка не смотрит на неё как на больную.

Она смотрит как на вещь, которую уже вынесли из комнаты, просто забыли закрыть дверь.

Мужчина остановился у порога.

Его взгляд скользнул по полу, по опрокинутому флакону, по бледному лицу в зеркале, по дрожащим пальцам Лейлы.

На мгновение в его глазах что-то изменилось.

Не тревога. Нет.

Скорее раздражение человека, которому добавили неудобство в и без того трудный день.

— Айлин, — сказал он.

Имя ударило в грудь.

Лейла молчала.

Она не знала, как должна отвечать. Не знала, кто этот мужчина ей — муж? палач? причина чужой смерти? Не знала, почему тело хочет одновременно отшатнуться и сделать шаг к нему.

Демир прошёл в комнату. Пламя в чашах дрогнуло выше, будто приветствовало его. Девушка в белом осталась чуть позади, но так, чтобы её было видно.

Конечно, подумала Лейла с внезапной злостью. Чтобы я видела. Чтобы она видела, как я вижу.

— Лекаря уже звали? — спросила белая девушка тихо.

Голос у неё был мягкий. Слишком мягкий.

Демир не ответил ей сразу. Он смотрел на Лейлу.

— Что ты выпила?

Лейла перевела взгляд на флакон.

Можно было сказать: не знаю. Можно было заплакать. Можно было упасть в обморок, и, наверное, телу это очень хотелось.

Но внутри поднималось другое.

Злость.

Не яркая, не громкая. Усталая, взрослая, почти спокойная.

Эта Айлин уже один раз умерла от боли. Лейла не знала её. Не знала, какой она была — тихой, слабой, нежной, удобной. Но в теле ещё оставалась её последняя ночь: ледяные пальцы, флакон, унижение, от которого некуда было уйти.

И Лейла вдруг поняла, что не позволит добить её второй раз.

— Видимо, что-то неподходящее к вашему расписанию, — сказала она хрипло.

Девушка в белом вздрогнула.

Демир чуть прищурился.

Он явно ожидал не этого. Наверное, Айлин не говорила так. Наверное, Айлин вообще редко говорила, если её не спрашивали.

— Тебе плохо, — произнёс он.

— Удивительно, что вы заметили.

В комнате стало тише.

Даже пламя будто перестало шевелиться.

Демир сделал ещё шаг. Лейла заставила себя не отступить, хотя тело предательски дрожало.

— Сядь.

Приказ.

Простой, привычный. Такой, каким говорят с солдатами, слугами, лошадьми.

Лейла медленно опустилась на край кресла не потому, что он приказал, а потому что ноги действительно больше не держали. Её мутило. Пальцы немели. Где-то в животе тянуло глухо и неприятно.

Белая девушка подошла ближе.

У Лейлы вдруг обожгло шрам у ключицы.

Она стиснула зубы.

От девушки тянулась нить.

Нет, невозможно.

Лейла моргнула.

За спиной белой, в зеркале, на миг вспыхнуло тонкое синее свечение — как волосок света, протянутый от её груди к груди Лейлы. Нить дрожала, натянутая, болезненная, будто что-то чужое держали там, где оно не должно было быть.

Лейла зажмурилась.

Когда открыла глаза, свечения уже не было.

— Айлин, — произнесла девушка. — Мне жаль, что всё вышло так болезненно.

“Всё вышло”.

Словно чашка разбилась. Словно дождь пошёл не вовремя. Словно чужая жизнь сама поскользнулась и упала на мрамор.

Лейла посмотрела на неё.

— Вам правда жаль?

Девушка опустила ресницы.

— Я не желала вам зла.

— Это удобно, — прошептала Лейла. — Получить чужое место и не желать зла той, кто с него упала.

Лицо девушки побледнело.

— Довольно, — сказал Демир.

Не громко.

Но в этом “довольно” было столько власти, что прежняя Айлин, наверное, замолчала бы сразу.

Лейла подняла на него глаза.

— Да, — сказала она. — Думаю, ей тоже однажды стало довольно.

Он понял не сразу.

Потом взгляд его снова скользнул к флакону.

На этот раз в лице что-то дрогнуло. Быстро. Почти незаметно. Но Лейла увидела.

И это почему-то разозлило её ещё больше.

Поздно.

Поздно замечать яд, когда женщина уже выпила его.

Поздно спрашивать, что случилось, когда дверь закрывали перед ней столько раз, что она решила выйти через смерть.

Демир отвернулся к двери.

— Позовите лекаря.

— Уже послали, бей, — ответил кто-то из коридора.

Бей.

Значит, он не просто муж. Он власть. Имя. Род. Закон, который входит без стука.

Демир подошёл к столу. Взял лежащий там свиток, перевязанный серебряной лентой. Положил перед Лейлой.

— Утром соберётся совет, — сказал он. — Но нам лучше решить это сейчас. Без лишних свидетелей.

Лейла смотрела на свиток.

Ей не нужно было уметь читать местные буквы, чтобы понять.

Документ.

Развод.

Конец чужого брака, который для одной женщины оказался концом жизни, а для другого — неудобной процедурой перед новым началом.

— Это что? — спросила она.

Демир помолчал.

— Расторжение брачной клятвы.

Белая девушка едва слышно выдохнула.

Лейла подняла глаза.

— Вы принесли его в комнату, где я только что чуть не умерла?

— Именно поэтому лучше закончить всё быстро.

Вот оно.

Не жестокость с криком. Не удар. Не оскорбление.

Хуже.

Практичность.

Её боль была для него обстоятельством, которое следовало убрать с пути.

Внутри Лейлы что-то медленно застыло. Может быть, это была жалость к прежней Айлин. Может быть, собственная память: больничный коридор, маленькая ладонь брата, которую она однажды не смогла удержать. Может быть, та часть души, которая всегда слишком поздно понимала, что устала быть сильной.

Но сейчас эта часть не сломалась.

Она поднялась.

Лейла взяла свиток. Пальцы дрожали так сильно, что серебряная лента зашуршала.

— А если я не подпишу?

Демир посмотрел на неё долго. Очень долго.

— Подпишешь.

— Потому что вы приказали?

— Потому что такова воля Искры.

Лейла перевела взгляд на девушку в белом.

Та стояла неподвижно, но пальцы её вцепились в край рукава. На лице — смирение. В глазах — страх. Или нет? Может, торжество, которое она слишком хорошо научилась прятать.

— Искра, — повторила Лейла. — Это так у вас называется, когда одну женщину выбрасывают, потому что другая оказалась удобнее?

Демир шагнул ближе.

Теперь между ними было всего несколько ладоней воздуха. Горячего воздуха. Лейла почувствовала, как от него идёт жар, будто под человеческой кожей действительно дышит огромный зверь.

— Ты была моей женой три года, Айлин, — сказал он тихо. — И за эти три года должна была научиться не говорить о том, чего не понимаешь.

Больно.

Тело среагировало раньше разума: в груди сжалось, глаза

защипало. Это были не только её чувства. Это была Айлин. Та самая, которая ждала. Которая пыталась научиться. Которая, вероятно, каждую холодную фразу превращала в надежду: он устал, ему трудно, он не умеет иначе.

Лейла почти увидела её — молодую женщину у окна, с письмом в руках.

“Жив. Не жди подробностей”.

И всё равно она ждала.

Лейла медленно выпрямилась.

— А вы за три года, Демир-бей, так и не научились видеть человека рядом с собой.

Он замер.

Она впервые произнесла его имя — и комната будто услышала это.

Белая девушка побледнела ещё сильнее.

Демир смотрел на Лейлу так, словно перед ним внезапно открылась трещина в знакомой стене.

В дверь постучали. Вошёл лекарь — седой, испуганный, с кожаной сумкой. За ним мелькнула строгая женщина в тёмном платье: сухое лицо, острый взгляд, губы, сжатые в линию. Гюльшан, подсказала чужая память. Управительница.

— Госпожа, — сказала она без тепла. — Какое несчастье.

Лейла почти улыбнулась.

Какое удобное слово.

Несчастье.

Не отчаяние. Не смерть. Не предательство.

Просто несчастье.

Лекарь склонился к ней, проверил пульс, зрачки, понюхал флакон. Его лицо стало серым.

— Остаточный яд, бей. Если бы прошло ещё немного…

Он не договорил.

Демир молчал.

Лейла вдруг поняла: никто в этой комнате не спросил, почему.

Ни один.

Никто не спросил, что должно было случиться с женщиной, чтобы она надела белое платье, села одна в роскошной комнате и выпила яд перед утром собственного развода.

Лекарь дал ей горькие капли. Она выпила, не поморщившись. После той горечи, с которой очнулась, любая другая казалась почти честной.

Гюльшан подняла свиток, который Лейла выпустила из пальцев.

— Документ можно подготовить к утру, бей. Госпоже нужно отдохнуть, чтобы церемония прошла достойно.

— Конечно, — сказала Лейла.

Все посмотрели на неё.

Она медленно забрала свиток из рук Гюльшан.

— Я отдохну. А утром прочитаю всё, что вы хотите заставить меня подписать.

Гюльшан нахмурилась.

— Госпожа?

— Я сказала: прочитаю.

Демир слегка наклонил голову.

— С каких пор тебя интересуют документы?

Лейла посмотрела ему прямо в глаза.

Страшно было так, что пальцы холодели. Но страх больше не управлял ею. В ней было слишком много чужой боли, слишком много собственной усталости, слишком много понимания, как легко сильные люди называют слабых удобными словами: потерпит, смирится, переживёт.

Нет.

Не в этот раз.

— С тех пор, — сказала она, — как поняла, что доверять вашей милости опаснее, чем яду.

В комнате кто-то резко вдохнул.

Демир не пошевелился.

Но пламя в чашах взметнулось выше.

Лейла сжала свиток так крепко, что край бумаги впился в ладонь.

Она не знала этого мира. Не знала законов, магии, кланов, храмов, истинных пар. Не знала, как выжить в чужом теле и что делать с именем женщины, которая умерла от одиночества.

Но одно она знала точно.

Умирать второй раз Айлин Севран-Карахан не будет.

Не сегодня.

Не ради него.

Не ради этой белой девушки.

Не ради дома, где даже яд назвали неудобством.

Демир медленно произнёс:

— До рассвета ты перестанешь быть Карахан.

Лейла посмотрела на браслет на своём запястье. Тёмный металл жёг кожу, как клеймо.

Потом подняла глаза.

— Возможно, — сказала она тихо. — Но до рассвета вы ещё успеете понять, что выбрасываете не вещь.

И впервые с того момента, как дверь открылась, Демир Карахан не нашёл ответа сразу.

Глава 2. Истинная

Лекарь велел ей не вставать.

Лейла почти рассмеялась бы, если бы во рту не стояла горечь, а тело не дрожало так, будто его долго держали на морозе. В этом мире, как выяснилось, женщину можно было разбудить после яда, вручить ей развод и только потом заботливо приказать лежать.

Очень последовательная цивилизация.

Лекарь суетился у столика, смешивая капли в маленькой чаше. Его пальцы пахли спиртом, сушёными травами и страхом. Он старался не смотреть ни на Демира, ни на Селин, ни особенно на Лейлу — как будто сама её попытка умереть была неприличной подробностью, которую следовало прикрыть шёлковой салфеткой.

— Остатки яда будут выходить до рассвета, госпожа, — пробормотал он. — Возможны слабость, озноб, нарушение памяти, спутанность мыслей…

“Спутанность мыслей” звучало почти нежно.

Лейла сидела в кресле, укрытая тяжёлым покрывалом, и старалась не показать, что каждое слово даётся ей усилием. Мир всё ещё плыл. Пламя в чашах то вытягивалось вверх, то сжималось в алые зёрна. Чёрный мрамор пола казался водой, в которой отражались чужие лица.

Демир стоял у окна.

Селин — у каминной полки.

И между ними, как пустое место, оставленное для Лейлы, лежал свиток о разводе.

Она не выпускала его из рук.

Странно, но бумага успокаивала. Что-то конкретное. Что-то, что можно было прочитать, понять, оспорить, разорвать. Боль нельзя было разорвать. Чужую память нельзя было разорвать. А документ — можно.

Если хватит сил.

— Госпоже нужен покой, — сказал лекарь и покосился на Демира. — И желательно без волнений.

В комнате повисла пауза.

Лейла медленно подняла глаза.

— Тогда, возможно, стоит вынести отсюда развод?

Селин опустила ресницы.

Гюльшан, стоявшая у двери, поджала губы так, будто Лейла уронила на ковёр грязную чашку.

Демир обернулся не сразу. Сначала посмотрел в тёмное окно, где отражался его силуэт: широкий, неподвижный, почти нечеловечески спокойный. Потом перевёл взгляд на Лейлу.

— Волнения начались не с документа.

— Верно, — сказала она. — С него они просто стали официальными.

Лекарь закашлялся.

Демир смотрел на неё тяжело. В его взгляде не было преж-

ней равнодушной пустоты. Теперь там появилось раздражение. И ещё что-то — настороженность, будто перед ним лежала знакомая книга, но кто-то ночью переписал в ней все страницы.

Лейла хотела, чтобы он злился.

Злость была честнее, чем холод.

— Госпожа Айлин, — вмешалась Селин мягко. — Вам правда лучше отдохнуть. Я понимаю, как вам тяжело…

Лейла повернула к ней голову.

Селин стояла в своём белом платье, тонкая, светлая, почти прозрачная на фоне тёмных стен Чёрного Серая. В её голосе звучало сочувствие — ровное, выученное, без единой трещинки. Такое сочувствие можно было подавать на золотом блюде к завтраку.

— Понимаете? — тихо переспросила Лейла.

Селин слегка побледнела.

— Женщине всегда больно, когда судьба меняет её путь.

Лейла не сразу ответила.

Она смотрела на эту девушку и вдруг почувствовала не только злость. Нет, не жалость — до жалости было далеко. Но что-то неприятно сложное. Селин была слишком молодой. Слишком аккуратно сложенной в образ святости. Слишком безупречной, чтобы быть свободной.

И всё же она стояла здесь.

В комнате женщины, которая выпила яд.

Рядом с мужчиной, которого называли её истинным.

— Судьба, — повторила Лейла. — Какое удобное слово. Его можно поставить там, где должно быть имя виновного.

Селин вздрогнула. На миг её пальцы сжались на белой ткани рукава.

Демир шагнул вперёд.

— Айлин.

Опять это имя.

Лейла ощутила, как внутри чужого тела что-то болезненно отозвалось. Айлин. Не она — и она. Имя было как платье, в котором умерла другая женщина, а теперь его надели на Лейлу, ещё пахнущее ядом и одиночеством.

— Не произносите моё имя так, будто оно должно заставить меня замолчать.

Демир замер.

Лекарь отступил на полшага.

Гюльшан побледнела от возмущения. Селин подняла глаза — и в них впервые мелькнуло что-то живое. Не сочувствие. Не кротость. Интерес. Осторожный, тревожный.

— Ты не в себе, — сказал Демир.

— Возможно. Удобное объяснение, правда? Яд, слабость, женская истерика. Выберите любое.

— Довольно.

— Вы уже говорили.

Он подошёл ближе.

Воздух между ними нагрелся. Лейла почувствовала его кожей: не метафора, не тревожная фантазия. От Демира дей-

ствительно шло тепло — глубокое, тёмное, опасное, как жар от печи, в которую слишком долго не заглядывали.

Шрам у ключицы заныл.

Селин тоже это почувствовала. Лейла увидела, как девушка едва заметно прижала ладонь к груди.

И тогда синяя нить появилась снова.

На этот раз не в зеркале.

Она вспыхнула прямо в воздухе — тончайшая, почти невидимая, как волосок света, натянутый от шрама у ключицы Лейлы к Селин. Нить дрожала. Болела. Не глазами — всем телом. Лейла не знала, как такое возможно, но ощущала её так, будто кто-то потянул за живой нерв.

Она резко вдохнула.

— Что? — спросил Демир.

Селин шагнула назад.

Нить погасла.

Лейла вцепилась в подлокотник кресла. Сердце билось неровно. В памяти мелькнули белые руки. Чаша. Свадебный огонь. Голос жрицы: “Терпите, госпожа. Так нужно для брачной клятвы”.

Нет.

Это была не её память.

Но боль была настоящей.

— Ничего, — сказала Лейла.

Демир не поверил.

Селин — тоже.

— У неё жар, — быстро произнесла Селин. — Демир-бей, лекарь сказал…

Демир не обернулся к ней.

Это было почти незаметно. Но Лейла заметила.

Селин говорила — а он смотрел на бывшую жену.

И в этой мелочи белая девушка вдруг стала менее святой. Её губы сжались. Взгляд потемнел. На одно короткое мгновение из-под кроткой маски выглянула женщина, которой тоже было страшно потерять своё место.

“Вот ты какая”, — подумала Лейла устало.

Лекарь подал чашу.

— Выпейте, госпожа.

Она взяла лекарство. Пальцы дрожали. Чаша была тёплой, глиняной, грубой — чужеродной среди всей этой холодной роскоши. Отвар пах мятой, пеплом и чем-то сладковато-горьким.

Лейла выпила.

Горло сжалось. Тошнота поднялась снова. Она закрыла глаза, пережидая.

И вдруг услышала тихий шёпот.

Не в комнате.

Внутри.

“Не отдавай…”

Лейла распахнула глаза.

Перед ней всё так же стояли Демир, Селин, лекарь, Гюльшан. Никто не говорил.

Но голос был.

Тонкий. Усталым. Очень женским.

“Не отдавай ей…”

Лейла не знала, что именно. Мужа? Имя? Дом? Жизнь? Или ту синюю нить, которая жгла сердце?

Она сжала свиток о разводе.

— Мне нужен текст брачной клятвы, — сказала она.

Гюльшан не выдержала:

— Госпожа, в вашем положении…

— В моём положении, — перебила Лейла, не глядя на неё, — мне особенно интересно, что именно у меня забирают.

Демир медленно выдохнул.

— Клятва расторгается храмом.

— Храмом Аксу?

Селин подняла подбородок.

— Храм лишь подтверждает волю Искры.

Лейла посмотрела на неё.

— А если Искра ошиблась?

В комнате стало так тихо, что слышно было, как в чашах потрескивает огонь.

Селин побелела.

Лекарь испуганно опустил глаза.

Гюльшан прошептала:

— Госпожа…

Демир произнёс очень спокойно:

— Искра не ошибается.

— Конечно. Ошибаются только женщины, которых потом удобно заменить.

Его лицо стало каменным.

Но Лейла уже не могла остановиться. Яд, слабость, чужая память, горечь, обида мёртвой Айлин — всё смешалось в одну тёмную волну. Она не кричала. Кричать не было сил. Но тихие слова иногда режут глубже крика.

— Скажите, Демир-бей, когда вам сообщили, что у вас есть истинная, вы хотя бы вспомнили, что у вас уже есть жена?

Он смотрел на неё так, будто она ударила его при свидетелях.

— Наш брак был договором.

— Для вас.

— Для всех.

— Нет, — сказала Лейла. — Не для неё.

Она сама не поняла, почему сказала “для неё”, а не “для меня”.

Демир понял.

Его глаза сузились.

— Для неё?

Лейла замолчала.

Ошибка.

Слишком рано. Слишком опасно. Она не знала, что можно говорить, а что выдаст её окончательно. Но после яда мысли не слушались. Чужие чувства поднимались через край.

— Для той Айлин, которую вы знали, — сказала она наконец. — Или думали, что знали.

Селин тихо произнесла:

— Вы говорите так, будто речь о мёртвой.

Лейла посмотрела на неё.

Долго.

Селин первой отвела взгляд.

Демир же не отвёл.

И в этом взгляде впервые мелькнуло не раздражение. Нет. Что-то более глубокое, почти неосознанное. Как если бы человек услышал вдали звук падающего камня и понял: где-то начался обвал, но ещё не знает где.

Гюльшан шагнула вперёд.

— Бей, госпоже необходимо остаться одной. До совета осталось мало времени. Я распоряжусь подготовить её платье и украшения для обряда.

Лейла медленно повернула голову.

— Платье?

— Разумеется, госпожа. Церемония расторжения должна пройти достойно.

Достойно.

Её хотели красиво развести.

Аккуратно.

Белое платье, гладкие волосы, бледное лицо, подпись под документом, поклон истинной паре — и всё. Дом Карахан избавится от ненужной жены без пятен на ковре.

А яд почти не испортил расписание.

Лейла почувствовала, как внутри поднимается странный, холодный смех.

— Нет.

Гюльшан застыла.

— Что — нет?

— Я не надену платье, которое вы выберете.

— Госпожа, обряд…

— Я сказала нет.

Демир чуть склонил голову.

— Ты решила спорить даже об одежде?

— Я решила начать с малого.

Селин вдруг тихо сказала:

— Айлин, иногда достоинство — это принять неизбежное.

Лейла посмотрела на неё и почти мягко спросила:

— Вас этому в храме научили?

Селин вздрогнула.

— Чему?

— Называть чужую капитуляцию достоинством.

У девушки дрогнули губы. Она хотела ответить, но не смогла. И снова Лейла увидела за белым шёлком не соперницу, а пленницу, которую просто держали в более красивой клетке.

Но это ничего не меняло.

Боль Айлин от этого не становилась меньше.

Демир поднял руку, останавливая дальнейший спор.

— Оставьте нас.

Гюльшан замерла.

— Бей?

— Все.

Лекарь собрал сумку почти с облегчением. Гюльшан ушла, гневно шурша юбками. Селин задержалась.

— Демир-бей…

Он наконец посмотрел на неё.

— Селин.

Одно слово.

Но в нём был приказ.

Белая девушка опустила голову.

— Как пожелаете.

Проходя мимо Лейлы, она остановилась совсем близко. От неё пахло белыми цветами и храмовым дымом.

— Мне правда жаль, — сказала она почти беззвучно.

Лейла подняла глаза.

— Тогда не стойте рядом с человеком, который добивает ту, кому жаль.

Селин побледнела, но ничего не ответила.

Дверь закрылась.

Они остались вдвоём.

Лейла и Демир.

Бывшая жена и чёрный дракон.

Между ними — свиток, яд и три года молчания, которые

принадлежали не ей, но почему-то жгли сильнее собственной памяти.

Демир долго молчал.

Потом сказал:

— Ты изменилась.

Лейла устало улыбнулась.

— Удивительно, что для этого пришлось умереть.

Он шагнул к ней резко.

— Не говори так.

В голосе впервые прорезалось что-то живое.

Не любовь. Не раскаяние.

Страх?

Нет. Скорее ярость человека, которому показали дверь туда, куда он не хотел смотреть.

Лейла подняла голову.

— Почему?

— Потому что ты жива.

Она смотрела на него снизу вверх, укутанная в тяжёлое покрывало, слабая, отравленная, в чужом теле. А он стоял перед ней — власть, сила, чёрное пламя, мужчина, ради которого прежняя Айлин ждала письма, шаги, взгляд.

— Нет, Демир-бей, — сказала она тихо. — Живой человек не пьёт яд перед рассветом.

Его лицо стало белее.

Совсем немного.

Но стало.

Лейла вдруг поняла: он не знал, как с этим быть. С войной — знал. С приказами — знал. С родом, советом, храмом, истинной парой — знал. А с женской смертью, случившейся в его доме, почти у него под дверью, — нет.

И это было не оправданием.

Только фактом.

— Что ты хочешь? — спросил он.

Она почти рассмеялась.

— Сейчас?

— Да.

— Воды. Сон. И чтобы до утра никто больше не входил сюда с судьбой в руках.

Демир молчал.

Потом взял свиток со стола.

На миг Лейле показалось, что он заберёт его.

Но он положил документ обратно — ближе к ней.

— Читай, — сказал он. — Если сможешь.

— Смогу.

— Буквы не изменились за ночь, Айлин.

Она посмотрела на свиток.

Местные знаки расползались перед глазами, но некоторые слова тело узнавало. Брак. Клятва. Дом. Искра. Отказ.

— Тогда, возможно, за ночь изменилась я.

Демир направился к двери.

У самого выхода остановился.

— До рассвета ты подпишешь.

Лейла провела пальцами по краю свитка.

— До рассвета многое может случиться.

Он обернулся.

И в этот миг шрам у её ключицы снова вспыхнул болью.

Где-то далеко за дверью, в коридоре, удалялись лёгкие шаги Селин.

Синяя нить дрогнула — невидимая, но живая.

Лейла стиснула зубы, чтобы не застонать.

Демир увидел.

— Что с тобой?

Она подняла на него глаза.

Внутри, совсем глубоко, снова шепнул женский голос:

“Не отдавай…”

Лейла не знала, кому отвечает — Демиру, Селин, мёртвой Айлин или себе.

— Ничего, — сказала она. — Просто, кажется, ваша истинная унесла с собой не только ваше сердце.

Демир застыл.

Но Лейла уже отвернулась к зеркалу.

Из тёмной глубины на неё смотрело чужое лицо. Бледное, измученное, с глазами женщины, которую слишком долго учили быть тихой.

Лейла коснулась отражения пальцами.

— Ничего, — прошептала она уже беззвучно. — Мы научимся говорить.

И где-то под кожей, у самого сердца, синяя нить ответила

слабым, болезненным светом.

Глава 3. Не умолять

К рассвету Лейла поняла три вещи.

Первое: яд не убил её только потому, что это тело оказалось упрямее, чем казалось.

Второе: читать местные документы она всё-таки могла — не свободно, не быстро, но память Айлин поднимала из глубины нужные знаки, как утопленница — руки из тёмной воды.

Третье: в доме Карахан никто не собирался считать её человеком, если она сама не заставит их хотя бы попытаться.

Ночь прошла без сна.

Лейла сидела у окна, укутавшись в тяжёлую шаль, и смотрела, как над Чёрным Сераем гаснут последние звёзды. Столица за стенами дворца ещё спала, но сам дворец уже дышал: в коридорах скользили слуги, звякала посуда, где-то далеко открывали тяжёлые двери. Дом готовился к церемонии.

Не к её боли.

К процедуре.

На туалетном столике лежал свиток.

Она читала его до рези в глазах. Некоторые слова приходилось угадывать по контексту, другие вспыхивали в памяти Айлин готовыми смыслами: “расторжение”, “добровольное согласие”, “отказ от притязаний”, “имущество рода”, “милость дома Карахан”.

Милость.

Лейла провела пальцем по строке и почувствовала, как внутри поднимается холодная ярость.

По документу выходило, что Айлин якобы добровольно отказывается почти от всего. От брачного покоя. От драгоценностей, подаренных “от имени рода”. От права на сопровождение. От права на защитный срок. От права носить знак Карахан после выхода из дворца.

Взамен ей полагалась “компенсация, достаточная для поддержания скромного существования”.

Скромного.

То есть тихого. Незаметного. Такого, чтобы бывшая жена чёрного дракона не мелькала перед глазами у новой, истинной.

Лейла отложила свиток и закрыла глаза.

Где-то глубоко под её собственными мыслями дрожала Айлин. Не голосом уже, не словами. Просто болью.

“Я бы подписала”, — будто шептало это тело.

Лейла медленно сжала пальцы.

— А я нет, — сказала она в пустую комнату.

В дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, вошла Гюльшан Таш.

Управительница была одета в тёмное, строгое платье с высоким воротом. На лице — ни тени ночного испуга, только холодная собранность женщины, которая давно решила: чувства мешают порядку.

За ней две служанки внесли платье.

Белое.

Безупречное.

С высоким воротом, длинными рукавами и серебряной вышивкой у подола. Красивое, торжественное, почти свадебное. Только это было платье невесты, которую ведут не к алтарю, а на собственное вычёркивание.

— Госпожа, — сказала Гюльшан. — Вам нужно переодеться. Совет соберётся через полчаса.

Лейла посмотрела на платье.

— Нет.

Служанки замерли.

Гюльшан слегка приподняла брови.

— Простите?

— Я сказала нет. Уберите.

— Это церемониальное платье дома Карахан.

— Именно поэтому я его не надену.

— Госпожа, обряд требует достоинства.

Лейла поднялась.

Мир качнулся, но она удержалась за спинку кресла. Слабость была мерзкой, липкой. Тело просило лечь, закрыть глаза, позволить другим решить всё за неё.

Айлин так и делала.

Лейла не имела права повторить.

— Достоинство, Гюльшан-ханым, не в том, чтобы красиво стоять, пока тебя лишают жизни. Уберите платье.

Управительница побледнела от ярости.

— Вы забываетесь.

— Нет. Кажется, впервые вспоминаю.

Гюльшан шагнула ближе.

— Дом Карахан проявляет к вам терпение после ночного… происшествия.

Происшествия.

Лейла почти улыбнулась.

— Вы хотели сказать — после того, как ваша госпожа выпила яд?

Служанки испуганно опустили глаза.

Гюльшан сжала губы.

— Не стоит произносить это вслух.

— Почему? Портит утро?

Молчание стало острым.

Лейла подошла к шкафу. Руки всё ещё дрожали, но она выбрала сама: тёмно-синее платье без вышивки, простое, закрытое, почти строгое. Не траурное, нет. Скорее платье женщины, которая не собирается украшать чужое торжество.

— Я надену это.

— Синее неуместно для расторжения брака.

— А приводить истинную пару к жене с ядом во рту — уместно?

Гюльшан впервые не нашла ответа сразу.

Лейла взяла платье и посмотрела на служанок.

— Помогите мне. Или выйдите.

Они переглянулись. Одна из девушек — совсем молодая, рыжеватая, с испуганными глазами — первой шагнула вперёд.

Гюльшан холодно наблюдала, пока Лейлу переодевали. Синяя ткань легла на плечи тяжело, но в ней было легче дышать. Брачный браслет остался на запястье. Его не разрешили снять до обряда.

Когда служанка затягивала шнуровку, Лейла заметила в зеркале, как тонко выступают ключицы, как бледна кожа, как чужое лицо смотрит на неё уже не с ужасом, а с болезненной решимостью.

— Волосы убрать? — робко спросила служанка.

Лейла коснулась тёмных прядей.

У прежней Айлин волосы всегда были заплетены идеально: гладко, покорно, без единой выбившейся пряди. Так, как нравилось дому. Так, чтобы женщина занимала меньше места даже своей красотой.

— Нет, — сказала Лейла. — Оставьте.

Гюльшан резко вдохнула.

Лейла встретилась с ней взглядом в зеркале.

— Пусть видят, что я не готовилась быть удобной.

Зал совета находился в восточном крыле Чёрного Серая.

По пути Лейла считала шаги.

Не потому, что это было нужно. Потому что иначе она могла начать думать.

О том, что идёт на совет драконьего рода, не зная половины правил.

О том, что тело слабо после яда.

О том, что её могут просто заставить. Подписать. Увезти. Запереть. Объявить безумной.

О том, что женщина, чьё имя она носит, возможно, уже сдалась бы.

Коридоры дворца были тёмными и величественными. Стены из чёрного камня, узкие окна, алые чаши огня, ковры с узорами крыльев и клинков. Дом Карахан не был похож на место, где живут. Он был похож на крепость, которая случайно научилась принимать гостей.

У дверей зала стояли стражники в чёрной броне.

Они поклонились не ей.

Имени на её запястье.

Гюльшан открыла дверь.

Внутри было слишком много людей для такого раннего утра.

Демир стоял во главе длинного стола. В тёмном кафтане, без единого лишнего украшения, с лицом человека, который не спал и не считал это обстоятельством, достойным внимания.

По правую руку от него сидели старейшины рода Карахан: седые, сухие, с глазами хищных птиц. По левую — храмовый представитель в белом, мужчина с гладким лицом и неприятно мягкой улыбкой.

Селин стояла чуть позади.

Белая, тихая, прекрасная.

Сегодня её волосы были убраны под тонкую вуаль, на груди — серебристо-белый амулет. Когда Лейла вошла, шрам у ключицы снова кольнул болью.

Синяя нить не вспыхнула, но потянула.

Лейла на мгновение потеряла шаг.

Демир заметил.

Селин тоже.

В конце стола сидел мужчина в серебряно-сером кафтане. Незнакомый. Темноволосый, ухоженный, с тонким лицом и внимательными глазами. Он рассматривал Лейлу не с жалостью и не с презрением, а с живым интересом, будто она была неожиданной поправкой в скучном юридическом тексте.

— Госпожа Айлин, — произнёс он, вставая. — Озан Гюмюш. Маг-законник, приглашённый засвидетельствовать расторжение брачной клятвы.

Голос спокойный. Вежливый. Чуть насмешливый.

Лейла кивнула.

— Надеюсь, засвидетельствовать, а не ускорить.

В уголке его губ мелькнуло почти незаметное удовольствие.

— Это зависит от того, насколько внимательно стороны читали документ.

Демир посмотрел на него.

— Озан.

— Бей.

Одно слово — и в нём ни капли страха.

Хорошо, подумала Лейла. В этой комнате есть хотя бы один человек, который не кланяется воздуху перед Демиром.

Гюльшан попыталась провести Лейлу к месту у нижнего края стола. Дальше всех. Почти у двери.

Лейла посмотрела на стул.

Потом на Демира.

— Это моё место?

Один из старейшин нахмурился.

— До завершения обряда — да.

— А до объявления вашей истинной, — спросила Лейла спокойно, — где сидела жена главы рода?

Тишина.

Гюльшан побелела.

Селин опустила глаза.

Демир не сразу ответил.

— Айлин.

— Я спрашиваю не из тщеславия. Просто пытаюсь понять, в какой именно момент меня начали выносить из дома. До документа или после?

Озан Гюмюш тихо кашлянул, пряча улыбку.

Старейшина с тяжёлой золотой цепью на груди ударил пальцами по столу.

— Госпожа, ваше ночное состояние объясняет резкость, но не оправдывает неуважение.

Лейла повернулась к нему.

— Моё ночное состояние, почтенный, называется отравление. Резкость — это то немногое, что у меня осталось после него.

У старейшины вытянулось лицо.

Демир медленно произнёс:

— Сядь ближе.

Гюльшан резко посмотрела на него.

Лейла тоже.

На мгновение их взгляды встретились.

Он не просил прощения. Не смягчался. Просто изменил приказ, как меняют положение фигуры на доске, если прежнее оказалось неудобным.

Но даже это было маленькой победой.

Лейла села не рядом с Демиром — до этого было далеко, — но не у двери. Напротив Озана.

Свиток положили перед ней.

Храмовый представитель поднялся.

— Воля Искры ясна. Демир Карахан, глава чёрного рода, обрёл истинную пару в лице Селин Аксу, отмеченной белым храмом и признанной сиянием судьбы. Брачная клятва с Айлин Севран-Карахан, заключённая по договору родов, подлежит мягкому расторжению во избежание боли всех сторон.

Лейла медленно подняла голову.

— Мягкому?

Храмовник запнулся.

— Простите?

— Вы сказали “мягкому расторжению”. Это официальный термин?

Озан Гюмюш посмотрел в документ и сухо произнёс:

— Нет. В брачном кодексе такого термина нет.

Лейла перевела взгляд на храмовника.

— Тогда не стоит украшать мою казнь подушками.

Селин тихо ахнула.

Демир резко посмотрел на Лейлу.

— Никто тебя не казнит.

— Правда? Я теряю имя, дом, защиту, имущество, положение и право на голос. Но да, голова пока на месте. Великодушно.

Старейшина снова ударил по столу.

— Вы забываете, кому обязаны этим домом!

И вот тут внутри Лейлы что-то сломалось окончательно.

Не в сторону слабости.

В сторону ясности.

Она вспомнила палату реабилитации. Мать, которая кричала на неё: “Вы обещали, что он будет ходить!” Хотя Лейла ничего не обещала. Вспомнила брата, его тонкие пальцы, свою беспомощность. Вспомнила годы, когда она была удобной: для пациентов, для начальства, для родственников, для боли, которая всегда находила ей работу.

А потом — чужую память.

Айлин, стоящую в этом же зале после свадьбы. Айлин,

которая пыталась улыбаться. Айлин, которую учили благодарить за то, что её взяли.

Лейла положила ладонь на свиток.

— Нет, — сказала она.

Просто.

Негромко.

Но слово упало в зал, как камень в чашу с водой.

Демир нахмурился.

— Что — нет?

— Я не буду начинать этот совет с благодарности за собственное уничтожение.

Озан смотрел на неё уже без улыбки.

Очень внимательно.

— Госпожа Айлин, — произнёс храмовник, — никто не требует от вас благодарности. Требуется лишь подпись.

— Прежде чем я поставлю подпись, я хочу прочесть документ вслух.

Гюльшан сделала шаг.

— Это не принято.

— Умирать перед разводом тоже, кажется, не принято. У нас утро новшеств.

Озан прикрыл рот ладонью.

Демир бросил на него короткий взгляд.

— Документ составлен верно, — сказал храмовник.

— Тогда вам нечего бояться.

Лейла развернула свиток.

Буквы поплыли. На миг ей стало страшно: не получится. Память Айлин откажет, тело дрогнет, слова рассыплются, и они увидят — она не знает их мира, их законов, их правил.

Но потом взгляд зацепился за первую строку.

“Я, Айлин Севран-Карахан, находясь в ясном уме и доброй воле…”

Она усмехнулась.

— Прекрасное начало.

Демир напрягся.

Лейла подняла глаза.

— В ясном уме после яда. В доброй воле после того, как в мой дом привели другую женщину. Очень точный документ.

Озан тихо произнёс:

— Формулировка действительно спорная.

Храмовник побагровел.

— Гюмюш!

— Я здесь для закона, не для удобства храма.

Сердце Лейлы ударило сильнее.

Не одна.

Пока ещё не союзник. Но уже трещина в их стене.

Она продолжила читать. Медленно. Иногда спотыкаясь, но всё увереннее.

Отказ от брачного покоя.

Отказ от права проживания.

Отказ от компенсации сверх “милости рода”.

Отказ от претензий на подарки, сделанные от имени Ка-

рахан.

Отказ от дальнейшей защиты.

Когда она дошла до последней строки, в зале уже никто не перебивал.

Лейла опустила свиток.

— То есть вы хотите, чтобы я добровольно подтвердила, что ухожу почти ни с чем, не имею претензий, не нуждаюсь в защите и признаю, что истинная пара моего мужа важнее моей брачной клятвы.

Храмовник холодно сказал:

— Вы формулируете грубо.

— Я формулирую честно.

Старейшина повернулся к Демиру:

— Бей, это недопустимо.

Демир не ответил ему.

Он смотрел на Лейлу.

В его взгляде снова было это странное выражение. Не раскаяние. Не нежность. Скорее попытка сопоставить живую женщину перед собой с той тихой Айлин, которую он помнил. Наверное, ему было неудобно. Мёртвые удобнее живых. Молчаливые жёны удобнее тех, кто читает документы.

— Что ты требуешь? — спросил он наконец.

Лейла почувствовала, как под столом дрожат колени.

Вот оно.

Момент.

Нельзя было просить слишком много — раздавят. Нельзя

слишком мало — выкинут.

Она выпрямилась.

— Копию брачного договора. Копию документа о расторжении. Перечень моего личного имущества. Три дня на сборы. Право покинуть дом без сопровождения стражи. И письменное подтверждение, что я не признаю отказ от законной компенсации до консультации с независимым законником.

Озан медленно поднял брови.

Селин смотрела на неё так, будто впервые видела не брошенную жену, а опасность.

Гюльшан прошептала:

— Это невозможно.

Лейла повернула голову.

— Нет. Невозможно было проснуться после смерти. Остальное — обсуждаемо.

Демир долго молчал.

Слишком долго.

В зале никто не двигался.

Потом он сказал:

— Копии получишь. Сборы — до заката, не три дня. Покинешь дом завтра после обряда. Без стражи, если подпишешь, что уходишь добровольно.

— Я подпишу, что ухожу. Не то, что добровольно.

— Айлин.

— Демир-бей.

И это снова было почти столкновение.

Не громкое.

Но в нём впервые было двое.

Не глава рода и ненужная жена.

Двое.

Демир отвернулся первым.

— Озан. Подготовь правки.

Храмовник вскочил.

— Храм не одобрит изменение формулы!

Озан спокойно собрал свиток.

— Храм может написать жалобу на серебряной бумаге. Закон от этого не изменится.

Лейла почти не слышала их дальше.

Силы уходили. Руки холодели. Воздуха не хватало. Но внутри, под слабостью, под страхом, под чужим именем, впервые за всё это утро возникло что-то похожее на опору.

Маленькую.

Тонкую.

Синюю.

Совет завершился не победой.

Нет.

До победы было далеко. Она всё ещё была в чужом доме, в чужом теле, среди людей, которые хотели сделать её удобной строчкой в архиве Карахан.

Но она не умоляла.

Не упала.

Не попросила оставить ей хотя бы крошку любви, которой

здесь никогда не было.

Когда все начали расходиться, Селин задержалась у двери.

Их взгляды встретились.

На этот раз белая девушка не стала говорить “мне жаль”.

Хорошо.

Лейла не вынесла бы ещё одной такой милости.

Селин только тихо сказала:

— Вы делаете себе больнее.

Лейла ответила устало:

— Нет. Я просто перестала делать удобно вам.

Селин побледнела и вышла.

Последним остался Демир.

Он подошёл к столу, забрал брачный браслетный ключ — маленький чёрный предмет, который до обряда должен был оставаться у него.

— До заката, — сказал он.

— До заката, — повторила Лейла.

Он уже повернулся уходить, но она остановила его:

— Демир-бей.

Он обернулся.

Лейла держалась за край стола, чтобы не упасть. Но голос её прозвучал ровно.

— Вы правда думали, что я подпишу, не читая?

В его лице мелькнуло что-то тёмное.

Не вина ещё.

Но её предвестник.

— Та Айлин подписала бы.

Лейла почувствовала, как внутри у неё сжалось сердце.

Вот она.

Правда.

Тихая, страшная, произнесённая без злого умысла.

Та Айлин подписала бы.

Та Айлин терпела бы.

Та Айлин умерла бы так, чтобы никому не помешать.

Лейла медленно кивнула.

— Знаю.

Демир нахмурился.

— Что это значит?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Значит, вам придётся привыкать к другой.

И вышла из зала первой.

За дверью её всё-таки качнуло. Она успела ухватиться за каменную стену. Холод мрамора обжёг ладонь.

Где-то далеко в коридорах Чёрного Серая пели утренние чаши. Дом Карахан просыпался окончательно.

Лейла закрыла глаза.

Внутри, едва слышно, словно из глубокой воды, прошелестел чужой голос.

Не отдавай.

— Не отдам, — прошептала она.

И впервые ей показалось, что Айлин услышала.

Глава 4. Вы — больше нет

Вещей у Айлин оказалось меньше, чем у женщины, прожившей в доме три года.

Лейла стояла посреди спальни и смотрела, как две служанки молча открывают шкафы, сундуки, ларцы, будто вскрывают не мебель — чужую жизнь. По комнате разливался утренний холод. Пламя в чашах стало бледным, дневным, почти стыдливым. После ночной алой дрожи оно казалось усталым.

На кровати лежало синее платье, в котором она вернулась с совета. На запястье всё ещё жёг брачный браслет. Его должны были снять позже, перед обрядом, как снимают ошейник с животного, которое больше не принадлежит хозяину.

Лейла медленно провела пальцами по полке.

Книги.

Тонкие, в тёмных переплётах, с золотым тиснением на корешках. Часть текста она уже могла разобрать: травы южных провинций, основы родовых клятв, история дома Карахан. Айлин, прежняя Айлин, читала их? Или только пыталась стать достойной женой дракона, изучая всё, что могло понравиться его роду?

В памяти вспыхнуло: ночь, свеча, тонкие пальцы переворачивают страницу. За окном дождь. На столе остывший чай, который Демир любил крепким, без мёда. Айлин сидит в его

покоях и ждёт, хотя знает: он не придёт.

Лейла закрыла глаза.

Чужая память не рассказывала. Она ранила.

— Эти книги я заберу, — сказала она.

Одна из служанок испуганно посмотрела на Гюльшан.

Управительница стояла у двери, прямая, как клинок в ножнах. В руках у неё была дощечка с перечнем вещей. Она не повышала голоса. В этом доме, кажется, самые жестокие слова произносили именно тихо.

— Библиотека принадлежит дому Карахан, госпожа.

— Они стояли в моей комнате.

— Вы пользовались ими по милости дома.

Лейла повернулась.

— Милость — это слово, которым вы называете всё, что потом легче отобрать?

Гюльшан не моргнула.

— Я называю вещи своими именами.

— Нет. Вы называете своими именами только те вещи, которые принадлежат Караханам. Остальное для вас не существует.

Служанки замерли.

Одна — та самая рыжеватая девушка, помогавшая ей утром, — опустила голову так низко, что волосы упали на лицо.

Гюльшан сделала отметку в списке.

— Книги остаются.

Лейла хотела спорить. Очень хотела. Но силы после совета уходили из тела, как вода из треснувшего кувшина. Каждое слово стоило дыхания. Каждая прямая спина — боли в пояснице, дрожи в коленях, тёмных пятен перед глазами.

Она не могла выиграть всё.

Пока нет.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда мои личные письма.

Гюльшан подняла взгляд.

— Какие именно?

Лейла подошла к небольшому резному ларцу у окна. Пальцы сами нашли тайную защёлку. Айлин знала её. Айлин открывала этот ларец много раз — бережно, осторожно, как открывают не дерево, а сердце.

Внутри лежали письма.

Не много. Всего девять.

Плотная бумага, тёмная печать Карахан, короткие строки. Лейла взяла верхнее письмо и узнала почерк раньше, чем прочла имя. Жёсткий, сдержанный, без украшений. Почерк человека, которому даже чернила служили по приказу.

“Жив. Переходим северный перевал. Домом займётся Гюльшан. Не жди подробностей. Д.”

Не жди подробностей.

И Айлин ждала.

Лейла видела её: молодую женщину у окна, с письмом в руках, перечитывающую эти сухие строки так, будто между ними спрятана нежность. Может, он просто не умеет пи-

сать. Может, на войне нельзя иначе. Может, если он говорит "жив", значит, хочет, чтобы она знала. Значит, это забота. Значит, это почти любовь.

Лейле стало тошно.

Не от яда.

От этой страшной способности любящего сердца придумывать тепло там, где ему бросили уголь.

Она собрала письма и прижала к груди.

— Это мои.

Гюльшан шагнула вперёд.

— Письма главы рода являются частью архива Карахан.

Лейла медленно подняла голову.

— Они адресованы мне.

— Они написаны рукой Демира-бея.

— И отправлены его жене.

— Бывшей жене, — поправила Гюльшан.

Слово ударило неожиданно больно.

Лейла сжала письма сильнее. Бумага хрустнула.

— Обряд ещё не завершён.

— Но решение принято.

Она смотрела на Гюльшан и понимала: та не ненавидит её. В этом, возможно, было самое мерзкое. Ненависть была бы теплее. Личной. Живой. А здесь — порядок. Правило. Дом важнее женщины. Архив важнее памяти. Статус важнее боли.

— Вы правда считаете, что эти девять писем нужны архи-

ву? — спросила Лейла.

Гюльшан протянула руку.

— Я считаю, что ничто, связанное с главой рода, не должно покидать Чёрный Серай без разрешения.

Лейла отступила на шаг.

— Даже если это единственное, что осталось у женщины от трёх лет брака?

— Особенно тогда.

Повисла пауза.

Рыжеватая служанка тихо всхлипнула и тут же прикрыла рот рукой.

Гюльшан не посмотрела на неё.

— Госпожа, не усложняйте.

Лейла вдруг устала.

Так сильно, что захотелось сесть прямо на пол. Опустить голову. Сказать: забирайте. Забирайте книги, письма, платье, имя, дом, всё. Оставьте мне только возможность не чувствовать.

Но внутри, глубже усталости, снова прошелестело:

“Не отдавай…”

Лейла не знала, чьё это было. Айлин? Собственное упрямство? Та самая синяя нить, которая болела у сердца?

Она раскрыла первое письмо. Посмотрела на короткую строку.

“Не жди подробностей.”

Как символично.

Демир три года не давал Айлин подробностей собственной жизни, а теперь его дом хотел забрать даже эти крошки.

Лейла медленно сложила письмо.

— Хорошо.

Гюльшан протянула руку.

Лейла отдала ей не все письма.

Только восемь.

Девятое, самое первое, самое короткое, она успела прижать ладонью к складкам платья. Рыжеватая служанка увидела. Её глаза расширились, но она тут же отвернулась к шкафу.

Гюльшан пересчитала письма.

— Здесь восемь.

Сердце Лейлы ударило в горло.

Служанка у шкафа вдруг уронила стопку белья.

— Простите! — воскликнула она, наклоняясь. — Простите, госпожа Гюльшан, я сейчас…

Все посмотрели на неё.

Лейла опустила письмо глубже в потайной карман платья.

Гюльшан бросила на служанку ледяной взгляд.

— Осторожнее.

— Да, ханым. Простите.

Когда Гюльшан снова повернулась к ларцу, Лейла уже стояла неподвижно.

— Девятое письмо, вероятно, было утеряно раньше, — сказала она.

Гюльшан смотрела на неё слишком долго.

— Вероятно.

И в этом слове было предупреждение.

Украшения делили ещё унизительнее.

Служанки раскладывали их на столе: серьги, браслеты, гребни, тонкие цепочки, подвески. У каждой вещи находилось объяснение, почему она не принадлежит Айлин.

Эти серьги подарены на свадьбу от имени дома.

Этот гребень — часть брачного убора.

Этот браслет — знак положения супруги главы рода.

Эта подвеска куплена из средств Карахан.

— А это? — Лейла взяла маленькое серебряное кольцо без камня.

Простое. Почти детское.

Память отозвалась теплом.

Фарук Севран. Отец Айлин. Её шестнадцатилетие. Его улыбка, мягкая, усталая. “Пока у нас мало золота, доченька, но имя Севран ещё что-то значит”.

Лейла почти усмехнулась.

Имя Севран значило ровно столько, чтобы продать дочь выгоднее.

— Это моё.

Гюльшан посмотрела в список.

— Кольцо рода Севран. Можете забрать.

Как щедро.

Лейла надела кольцо на палец. Оно было чуть велико и всё равно давило.

Ей разрешили взять несколько простых платьев, пару смен белья, дорожные туфли, шаль без родовой вышивки, маленький гребень из кости, две книги молитв — почему-то они не интересовали архив, — и кольцо Севран.

Ещё ей позволили оставить нож для писем.

Гюльшан сказала:

— Он слишком мал, чтобы иметь значение.

Лейла взяла нож.

— Вы удивитесь, как часто маленькие вещи оказываются важными.

Гюльшан промолчала.

Потом служанки открыли последний сундук.

Там лежал плащ.

Тёмно-синий, плотный, с подкладкой из мягкого меха. Не роскошный, не церемониальный. Просто тёплый. Настоящий. Тот самый, который Айлин носила в первые месяцы брака, когда ещё верила, что сможет гулять по садам Чёрного Серая, пока Демир на совете. Потом перестала. Сады были слишком большими для одной.

Лейла коснулась плаща.

— Это я заберу.

— Нет, госпожа.

Она даже не сразу поняла.

— Почему?

— Плащ сшит в мастерской Карахан. На внутренней стороне — родовая нить.

Лейла перевернула край. Действительно: на подкладке почти незаметно была вышита чёрная драконья чешуя.

— Мне нужен тёплый плащ.

— Вам выдадут дорожную накидку.

— На улице холодно.

— Погода не входит в перечень имущества.

Эта фраза оказалась последней каплей.

Лейла смотрела на неё — на эту женщину с гладкой причёской, сухими руками, безупречно ровным голосом — и вдруг поняла, как именно убивают в таких домах.

Не кинжалом.

Не ядом.

Нет.

Тебя просто каждый день лишают чего-то маленького.

Права задать вопрос.

Права оставить письмо.

Права выбрать платье.

Права взять плащ, когда тебе холодно.

Права сказать: мне больно.

И однажды ты сама берёшь яд, потому что смерть кажется

единственной вещью, которую ещё можно выбрать.

— Гюльшан-ханым, — сказала Лейла очень тихо.

Управительница подняла глаза.

— Да?

— А я?

— Что — вы?

Лейла коснулась плаща.

— Я три года жила в этом доме. Я ждала его хозяина. Я носила его имя. Я сидела за этим столом, спала в этой комнате, молилась за его победу. Что из этого было моим?

Гюльшан молчала.

Лейла спросила ещё тише:

— Я тоже принадлежала дому Карахан?

На лице Гюльшан не дрогнул ни один мускул.

— До сегодняшнего дня — да.

В комнате стало холоднее.

Лейла кивнула.

— А теперь?

Гюльшан посмотрела на список.

Не на неё.

На список.

— Вы — больше нет.

Вот и всё.

Ни крика. Ни удара. Ни проклятия.

Просто четыре слова, которыми прежнюю Айлин окончательно вынесли из собственной жизни.

Лейла не сразу смогла вдохнуть.

Где-то рядом служанка заплакала совсем тихо. Может, рыжеватая. Может, другая. Лейла не посмотрела.

Она боялась: если увидит хоть каплю человеческого сочувствия, то не выдержит.

— Оставьте плащ, — сказала она.

Гюльшан сделала отметку.

— Разумное решение.

Лейла повернулась к окну.

За стеклом утреннее небо над Серай-Шехиром было серым, как пепел. Где-то далеко кричали птицы. Или драконы. Она ещё не различала.

Сзади шуршали ткани, закрывались сундуки, щёлкали замки.

Её жизнь упаковали в один небольшой дорожный узел.

Не жизнь даже.

Остатки.

Когда Гюльшан наконец вышла, комната будто выдохнула.

Служанки поспешно собрали пустые коробки. Рыжеватая задержалась на пороге и, не поднимая глаз, прошептала:

— Простите, госпожа.

Лейла посмотрела на неё.

Девочка была совсем юной. Может, семнадцать. Может, меньше. Здесь все женщины выглядели старше своих лет, если долго учились бояться.

— Как тебя зовут?

— Мира, госпожа.

— Спасибо за письмо, Мира.

Служанка побледнела.

— Я ничего не…

— Конечно, — мягко сказала Лейла. — Ты ничего не видела.

Мира всхлипнула и выбежала.

Лейла осталась одна.

На кровати лежал узел. На столе — нож для писем. На пальце — кольцо Севран. В потайном кармане — письмо Демира, короткое, сухое, почти бессмысленное.

Но почему-то именно оно жгло сильнее всего.

Лейла достала его.

“Жив. Не жди подробностей.”

Она смотрела на эти слова и думала: прежняя Айлин, наверное, целовала эту бумагу.

Не потому что была глупой.

Потому что голодное сердце целует даже крошку.

Дверь скрипнула.

Лейла резко обернулась.

На пороге стояла женщина в простом тёмном платье, с круглым лицом, сильными руками и глазами, в которых было больше жизни, чем во всём Чёрном Серае. В руках она держала узелок, из которого пахло хлебом, сыром и чем-то жареным.

— Я постучала, — сказала женщина. — Но вы смотрели так, будто сейчас кого-то убьёте письмом. Решила не мешать подготовке преступления.

Лейла моргнула.

Память подсказала имя.

Назлы.

Кухарка.

Та самая, что ночью принесла еду.

— Что вы здесь делаете? — спросила Лейла.

— Пока ещё работаю. Через час, думаю, уже нет.

— Почему?

Назлы вошла и поставила узелок на стол.

— Потому что я взяла с кухни хлеб, сыр, пирожки с мясом, сушёные яблоки, два яйца, маленькую банку мёда и, возможно, нож, который главный повар любил больше жены.

Лейла уставилась на неё.

— Вы украли еду?

— Нет. Я спасла продукты от морального разложения в доме Карахан.

И вдруг Лейла рассмеялась.

Тихо, хрипло, почти больно.

Смех быстро оборвался, потому что в груди заболело, а глаза защипало. Но на одно мгновение воздух стал легче.

Назлы посмотрела на неё уже без шутки.

— Госпожа, вам нельзя уходить одной.

Лейла устало опустилась на край кровати.

— Мне некуда идти.

— Значит, тем более.

— Назлы…

— Нет, вы послушайте. Я знаю этот дом. Знаю ворота. Знаю, какие стражники делают вид, что не видят, а какие потом докладывают Гюльшан, сколько раз вы вдохнули. Если вы выйдете одна, вас проводят так, что до улицы дойдёт только ваша гордость. А она, при всём уважении, еды не варит.

Лейла смотрела на неё и не понимала.

— Зачем вам это?

Назлы помолчала.

Её весёлое лицо стало непривычно серьёзным.

— Однажды вы заступились за меня.

— Я?

— Вы, госпожа. Главный казначей решил, что я украла шафран. А я не крала. Я просто сказала, что если он продолжит лапать девчонок на кухне, то однажды шафран окажется у него не в супе, а в другом месте. Он пожаловался. Меня хотели выгнать без платы.

Лейла молчала.

Память Айлин вспыхнула смутно: кухня, плачущая женщина, толстый мужчина с красным лицом, собственный тихий голос: “Я распорядилась взять шафран для лекарственного настоя. Вины Назлы нет”.

Маленький поступок.

Почти забытый.

Для Айлин — редкая попытка быть смелой.

Для Назлы — причина стоять сейчас в этой комнате с украденными пирожками.

— Вы это помните? — тихо спросила Лейла.

— Я — да. Вы, похоже, нет. Богатые вообще странно обращаются с добрыми делами: сделали и забыли. А нам потом с ними жить.

Лейла отвела взгляд.

Ей хотелось сказать: я не та женщина. Я не та, которая тебя спасла. Я ношу её лицо, но не её прошлое. Не благодари меня.

Но тогда пришлось бы объяснить невозможное.

А ещё — предать Айлин во второй раз.

Поэтому Лейла сказала только:

— Тебя уволят.

Назлы фыркнула.

— Меня и так собирались уволить за то, что я плюнула в похлёбку главному казначею.

— Ты правда плюнула?

— Нет. Но теперь жалею, что только подумала.

Лейла снова почти улыбнулась.

Назлы подошла к сундуку, вытащила дорожный узел, оценила его взглядом и скривилась.

— Это всё?

— Всё, что мне разрешили.

— Разрешили, — с отвращением повторила Назлы. — Как будто вы собака у двери, которой можно бросить кость.

Лейла посмотрела на неё.

— Осторожнее.

— Поздно. Я уже украла мёд.

Она развязала свой узел, вытащила оттуда серую, но тёплую шаль и бросила Лейле.

— Наденьте.

— Это твоё.

— Было. Теперь ваше.

— Назлы…

— Госпожа, я кухарка. У меня за жизнь было три шали, два жениха и один приличный нож. Из этого списка жалко только нож. Шаль берите.

Лейла сжала ткань.

Она была грубая, простая, пахла дымом, мукой и живым человеческим теплом. После тёмно-синего плаща Караханов эта шаль должна была казаться жалкой.

Но Лейле вдруг захотелось прижать её к лицу.

Потому что это была первая вещь в этом мире, которую ей не “позволили” взять.

Ей её дали.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Назлы отвернулась слишком резко.

— Не начинайте. А то я тоже начну, и уйдём мы отсюда некрасиво.

За дверью послышались шаги.

Назлы мгновенно сунула еду глубже в узел.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Гюльшан.

Её взгляд скользнул по Назлы, по шали, по узлам.

— Что здесь происходит?

Назлы присела в неловком поклоне.

— Помогаю госпоже собраться, ханым.

— Тебя не назначали.

— Вот видите, какая я инициативная.

Гюльшан сузила глаза.

— После обряда зайдёшь ко мне.

— С вещами?

— Без жалованья.

Назлы улыбнулась.

— Значит, с вещами.

Лейла поднялась.

— Она идёт со мной.

Гюльшан медленно повернулась к ней.

— Слуги дома Карахан не переходят к бывшим жёнам без разрешения управляющего совета.

Назлы хмыкнула:

— А если слуга сам идёт?

— Тогда он больше не слуга дома Карахан.

Лейла почувствовала, как в груди неприятно сжалось.

Вот снова.

Одно и то же.

Вы — больше нет.

Теперь это касалось и Назлы.

Но та вдруг расправила плечи, и на её лице появилось выражение почти весёлого упрямства.

— Какое удачное утро, — сказала она. — Столько людей освобождается.

Гюльшан побледнела от ярости.

Лейла смотрела на Назлы и чувствовала, как к горлу подступает ком.

Не от слабости.

От того, что впервые с момента пробуждения рядом с ней стоял кто-то не потому, что должен. Не потому, что боялся Демира. Не потому, что соблюдал порядок.

А потому что выбрал.

Гюльшан произнесла:

— Вы пожалеете.

Назлы пожала плечами.

— Скорее всего. Но я часто жалею. У меня талант.

Лейла взяла свой узел.

Он был лёгким.

Слишком лёгким для целой жизни.

Назлы подняла второй, с едой. Потом, подумав, прихватила со стола нож для писем.

— Это тоже пригодится.

— Он слишком мал, чтобы иметь значение, — сказала

Лейла.

Назлы подмигнула.

— Вот и отлично. Маленькие вещи обычно легче спрятать.

Гюльшан отступила от двери.

Коридор за её спиной был длинным, чёрным, холодным. Где-то вдалеке уже собирались люди для обряда. Дом Карахан ждал, когда ненужную жену выведут красиво.

Лейла накинула серую шаль.

Она была грубой. Колючей. Не подходила к платью. Не имела родовой вышивки. Не говорила миру, что женщина под ней кому-то принадлежит.

И от этого казалась прекрасной.

На пороге Лейла остановилась и оглянулась.

Комната, где Айлин ждала три года.

Кровать. Зеркало. Пустые полки. Закрытый ларец. Погасающее пламя в чашах. Место, где женщина выпила яд, потому что не нашла другой двери.

Лейла тихо сказала — не Гюльшан, не Назлы, не себе даже:

— Мы уходим.

И ей показалось, что в зеркале чужое лицо на мгновение стало мягче.

Будто Айлин, прежняя Айлин, всё-таки услышала.

Назлы тронула её за локоть.

— Пойдёмте, госпожа. Пока я не передумала и не плюнула

кому-нибудь в похлёбку по-настоящему.

Лейла шагнула в коридор.

Чёрный Серай встретил её холодом, взглядами и шёпотом.

Но теперь за её спиной были не пустые стены.

За её спиной шла Назлы.

Глава 5. Дом, который не открылся

Из Чёрного Серая Айлин вышла не в белом платье.

И это почему-то казалось первой настоящей победой.

Не большой. Не громкой. Не такой, о которой станут говорить на площадях. Всего лишь грубая серая шаль на плечах, дорожный узел в руке и Назлы, шагающая рядом так решительно, будто собиралась не покидать драконий дворец, а брать его штурмом с помощью украденных пирожков.

Но Лейла всё равно чувствовала: прежнюю Айлин хотели вывести красиво. Бледную, тихую, покорную, в церемониальном белом, чтобы всем было удобно сказать: “Она приняла волю Искры достойно”.

А она ушла в синем платье и чужой кухаркиной шали.

Не достойно.

Живо.

Во дворе Чёрного Серая было холодно. Каменные плиты блестели после ночного дождя. Над зубцами стен клубился сизый туман, а в башнях ещё горели алые чаши. Дворец за спиной казался не домом, а огромным чёрным зверем, который открыл пасть, выплюнул ненужную кость и теперь смотрел, куда она покатится.

У ворот стояли стражники.

Они не сказали ни слова.

Но Лейла чувствовала их взгляды: любопытные, осторож-

ные, немного жадные. К вечеру весь дворец будет знать, что бывшая жена Демира Карахана вышла без плаща, почти без вещей и с кухаркой вместо сопровождения.

Пусть.

Назлы догнала её у самой арки и сунула под руку узел с едой.

— Держите ровнее спину, госпожа.

— Зачем?

— Чтобы им было обиднее.

Лейла хотела улыбнуться, но не смогла. Силы уходили вместе с каждым шагом. Мир всё ещё казался слишком ярким после яда: серый камень, чёрная броня, красные огни, белое небо. Всё резало глаза.

У ворот Гюльшан Таш стояла как последняя печать дома Карахан.

— До обряда вы не имеете права покидать пределы дворца, — сказала она.

Лейла остановилась.

— Совет разрешил мне сборы до заката.

— Сборы. Не прогулки по городу.

Назлы фыркнула:

— А если госпоже нужно подышать воздухом, который не пахнет семейной гордостью?

Гюльшан даже не посмотрела на неё.

— Ты больше не имеешь права говорить от имени дома.

— Какое счастье, — пробормотала Назлы. — А то язык

уже уставал.

Лейла медленно повернулась к управительнице.

— Я еду к отцу.

На лице Гюльшан не отразилось ничего. Но Лейла вдруг поняла: та ожидала этого. Все ожидали.

Ненужная жена побежит в родной дом. Будет плакать, просить, искать защиты. Её отец договорится с Караханами о новой, ещё более тихой форме её существования. Может быть, ей позволят жить в дальней усадьбе. Может быть, вернут в Серай как жалкую тень при истинной.

Дом Карахан не сомневался, что у женщины без мужа есть только два пути: обратно к отцу или обратно к мужу.

Лейла сжала пальцы на узле.

— Прикажите подать экипаж.

Гюльшан подняла бровь.

— Экипажи дома Карахан предназначены для членов дома.

Тишина.

Назлы тихо выругалась.

Лейла почувствовала, как внутри поднимается усталый смех. Разумеется. Даже дорога отныне не принадлежала ей.

— Тогда мы пойдём пешком.

— До особняка Севран далеко.

— Значит, у меня будет время привыкнуть к свободе.

Гюльшан смотрела на неё холодно.

— Свобода редко бывает тёплой, госпожа.

Лейла поправила серую шаль на плечах.

— Зато она не требует разрешения.

И вышла за ворота.

Серай-Шехир просыпался шумно.

После мёртвенной тишины Чёрного Серая город показался Лейле почти невозможным: влажные мостовые, крики торговцев, запах горячего хлеба, дыма, конского пота, пряностей, мокрой шерсти. По узким улицам тянулись телеги. Над лавками качались пёстрые навесы. С крыш стекала дождевая вода. Где-то вдалеке пели утренние молитвы, и этот звук, дрожащий над городом, был совсем не похож на холодные голоса храмовников.

Назлы шла рядом, крепко держа её под локоть.

— Не надо, — тихо сказала Лейла. — Я могу сама.

— Верю. Но если вы сейчас упадёте лицом в грязь, это будет дурной знак. А я суеверная, когда удобно.

Лейла не стала спорить.

Пешком до особняка Севран оказалось действительно далеко. Чем дальше они уходили от Чёрного Серая, тем меньше становилось чёрного камня и больше — белых стен, резных балконов, закрытых двориков, садов за высокими оградами. Район малых родов был тише, приличнее и беднее дворцового квартала. Здесь старались казаться богаче, чем были.

Лейла узнала дом Севран раньше, чем Назлы назвала его.

Не памятью даже.

Болью.

Трёхэтажный особняк из светлого камня стоял за кованой оградой. Когда-то он, вероятно, был красив: тонкие колонны, мозаика над входом, сухой фонтан во дворе. Теперь краска на ставнях облупилась, сад зарос, одна из мраморных ваз треснула пополам, а на гербе над воротами — серебряная луна рода Севран — темнели следы копоти.

Обедневшее достоинство.

Точно как Айлин.

Лейла остановилась перед воротами.

Её пальцы вдруг стали холодными.

В памяти вспыхнула девочка в светлом платье. Тот же двор. Мужской голос: “Спина ровнее, Айлин. Севраны не сутулятся даже перед бедностью”. Потом другой день: отец гладит её по волосам. “Ты спасёшь нас, доченька. Демир Карахан — великий союз”. Потом ночь перед свадьбой: Айлин стоит у окна, а за дверью отец говорит кому-то: “Она тихая. Не доставит проблем”.

Тихая.

Не доставит проблем.

Лейла стиснула зубы.

— Госпожа? — спросила Назлы.

— Всё хорошо.

— У вас такое лицо, будто вы сейчас либо заплачете, либо кого-то ударите.

— Возможно, я ещё не выбрала.

Назлы одобрительно кивнула.

— Лучше второе. После первого обычно болит голова.

Привратник открыл не сразу. Сначала долго смотрел на Лейлу, потом узнал и побледнел.

— Госпожа Айлин?

Госпожа.

Здесь это слово звучало иначе. Не как признание. Как испуг.

— Мне нужно видеть отца.

Привратник замялся.

— Господин Фарук не принимает…

Лейла посмотрела на него.

Очень спокойно.

Он отступил.

— Я доложу.

Ворота открылись.

Дом Севран встретил её запахом пыли, старого дерева и увядших цветов. Не дом — память о доме. Слуги выглядывали из-за дверей и тут же исчезали. Где-то наверху скрипнула половица. В большом холле стоял портрет женщины с мягкими глазами — наверное, мать Айлин. Лейла остановилась перед ним.

Мать была красива тихой, усталой красотой. В её лице было что-то от Айлин: линия губ, взгляд, будто она заранее просит прощения у мира.

— Она умерла, когда мне было двенадцать, — сказала Лейла, не понимая, откуда знает.

Назлы молча перекрестилась по-своему.

Дворецкий провёл их в малую гостиную.

Фарук Севран вошёл через несколько минут.

Он оказался совсем не таким, каким Лейла ожидала увидеть человека, продавшего дочь.

Не грубый. Не злой. Не краснолицый домашний тиран.

Высокий, худой, с аккуратно подстриженной бородой, в старом, но безупречно чистом кафтане. Его волосы у висков посеребрились. Глаза были тёплого карего цвета — такие глаза должны были уметь любить. На лице — усталость, тревога, даже нежность.

На мгновение тело Айлин дрогнуло к нему.

Папа.

Слово поднялось из глубины так внезапно, что Лейла почти задохнулась.

Фарук остановился у порога.

— Айлин.

Она ждала.

Сама не знала чего.

Шага к ней. Объятия. Вопроса: “Что с тобой сделали?” Хотя бы испуга при виде её бледности, серой шали, дрожащих рук, узла беднячки у ног.

Но Фарук только медленно закрыл дверь.

— Я надеялся, что слухи преувеличены.

Лейла поняла всё ещё до следующей фразы.

И всё равно спросила:

— Какие именно слухи, отец?

Он поморщился.

— Не начинай с этого тона.

Назлы напряглась рядом.

Фарук бросил на неё короткий взгляд.

— Слуги могут подождать за дверью.

— Назлы останется.

— Это семейный разговор.

— Именно поэтому она останется.

Фарук посмотрел на дочь пристальнее. Будто пытался найти в её лице прежнюю Айлин и не находил.

— Что с тобой?

Лейла почти улыбнулась.

Вот. Почти вопрос.

Но не тот.

Не “тебе больно?”.

Не “ты жива?”.

А “почему ты стала неудобной?”.

— Со мной случился развод.

Фарук прошёл к креслу, сел, сложил руки на набалдашнике трости. Движения у него были красивыми, выверенными, стародворянскими. Он выглядел человеком, который даже

нищету принимал с правильной осанкой.

— Развода ещё можно избежать.

Лейла замерла.

— Что?

— Демир Карахан не жестокий человек.

Назлы издала такой звук, будто подавилась воздухом.

Лейла медленно повернула голову к отцу.

— Вчера ночью я выпила яд.

Фарук закрыл глаза.

На миг ей показалось — вот сейчас. Сейчас он дрогнет. Сейчас в нём проснётся отец.

Но он только устало выдохнул.

— Глупый поступок.

Что-то внутри Лейлы упало.

Даже не разбилось.

Просто перестало держаться.

— Глупый?

— Отчаянный, если хочешь. Но крайне неразумный. Ты дала врагам повод считать тебя нестабильной.

Лейла смотрела на него и не могла говорить.

Айлин внутри молчала тоже.

Наверное, эта девочка уже знала. Всегда знала. Просто надеялась, что в последний момент отец всё-таки окажется отцом.

Фарук продолжал мягко:

— Ситуация неприятная, но не безвыходная. Истинная

пара — дело священное. Дом Карахан не мог поступить иначе.

— А я?

— Ты должна была проявить выдержку.

Назлы шагнула вперёд.

— Да она чуть не умерла!

Фарук посмотрел на неё с холодным удивлением.

— Твоё имя?

— Назлы.

— Назлы, тебе платили за кухню, не за советы.

— Уже не платят, — буркнула та. — Так что советы теперь бесплатные.

— Молчи, — тихо сказала Лейла.

Назлы стиснула зубы, но отступила.

Лейла снова посмотрела на отца.

— Я пришла не за советом.

Фарук кивнул.

— Разумеется. Тебе нужны деньги, экипаж, возможно, место в доме на несколько дней.

Сколько спокойствия.

Сколько правильной усталости.

— Да, — сказала Лейла. — Мне нужна помощь.

Он долго смотрел на неё.

Потом произнёс:

— Я не могу принять тебя здесь.

Лейла ничего не сказала.

Слова были ожидаемыми. Почти очевидными. И всё равно боль пришла острая, как нож под рёбра.

— Почему?

— Не заставляй меня объяснять очевидное.

— Объясните.

Фарук поморщился.

— Твой брак с Караханом был единственным, что удерживало наш род от полного падения. Если ты уйдёшь от него со скандалом, Севраны лишатся покровительства. Кредиторы уже ждут. Земли заложены. Южный дом продан. Я не могу позволить тебе разрушить всё из-за женской обиды.

Женской обиды.

Вот как называлась смерть Айлин в доме отца.

— Он привёл другую женщину, — сказала Лейла. — В мой дом.

— В его дом.

Удар был таким тихим, что от него звенело в ушах.

Фарук понял, что сказал, но не отступил.

— Айлин, послушай меня. Ты должна вернуться. Не как жена, если это невозможно. Но как женщина, которая признаёт волю Искры. Попроси прощения за ночной поступок. Прими место, которое тебе оставят. Может быть, Демир позволит тебе жить в одном из дальних крыльев или в загородном доме. Это будет достойно.

— Достойно для кого?

— Для рода.

Лейла рассмеялась.

Совсем тихо.

— А для меня?

Фарук впервые повысил голос:

— Женщины нашего рода всегда знали цену долга!

— Нет, — сказала она. — Женщины нашего рода просто слишком долго платили по чужим счетам.

Он побледнел.

— Ты говоришь не как моя дочь.

Лейла почувствовала, как в груди отозвалась Айлин.

Больно.

Страшно.

Но уже не слепо.

— Может быть, ваша дочь умерла вчера ночью, — сказала она.

Фарук вздрогнул.

— Не смей.

— Почему? Вам неприятно слышать? А ей было неприятно жить.

На секунду его лицо стало старым. Очень старым.

И Лейла почти пожалела его.

Почти.

Потом он сказал:

— Ты вернёшься к мужу и попросишь прощения.

Всё.

Жалость исчезла.

— За что?

Фарук поднялся.

— За то, что не сумела остаться нужной.

Назлы выругалась вслух.

Лейла не шелохнулась.

Эти слова не ударили сразу. Они вошли медленно, как яд — тот самый, что ещё жил в крови. “Не сумела остаться нужной”.

Не Демир виноват, что не видел.

Не Селин, что заняла место.

Не храм, что назвал предательство судьбой.

Не отец, что продал дочь.

Айлин виновата.

Не сумела.

Лейла вдруг поняла, почему прежняя Айлин была такой тихой. Её не сломали за один день. Её учили годами: будь полезной, будь мягкой, будь нужной, иначе тебя не за что любить.

Она медленно взяла свой узел.

— Назлы.

— Да, госпожа.

— Мы уходим.

Фарук обошёл стол.

— Айлин, не будь дурой. Тебе некуда идти.

— Это вы уже сказали по-другому.

— Без Карахана ты никто.

Она остановилась у двери.

Повернулась.

Серая шаль сползла с плеча, но Лейла не поправила её сразу. Ей вдруг стало всё равно, как она выглядит: бледная, слабая, без плаща, с кольцом обедневшего рода на пальце и письмом мужчины, который её бросил, в потайном кармане.

— Ошибаетесь, отец.

Он сжал трость.

— В чём?

— Никем я была здесь. У вас. У него. В домах, где мою жизнь оценивали только тем, кому я могу быть полезна.

Фарук молчал.

Лейла накинула шаль обратно.

— А теперь я хотя бы узнаю, кто я без вас.

Она вышла.

На улице стало светлее, но холоднее.

Ворота дома Севран закрылись за ними не сразу. Лейла слышала, как дворецкий медлит, как скрипит железо, как створки сходятся, отрезая её от места, которое должно было быть родным.

Щёлкнул замок.

Дом не открылся.

Не по-настоящему.

Он просто впустил её, чтобы выгнать правильными словами.

Лейла сделала несколько шагов по мокрой мостовой.

Потом тело подвело.

Перед глазами потемнело. Ноги стали чужими. Она успела услышать, как Назлы вскрикнула, и ухватиться за каменный столб у ворот.

— Госпожа!

— Всё… хорошо…

— Конечно. У вас всегда всё хорошо, когда вы зелёная, как недозрелая слива.

Лейла попыталась вдохнуть.

Не получилось.

Тошнота поднялась резко. Боль прошла по животу — глухая, странная, пугающая. Она согнулась, прижав руку к губам.

Назлы поддержала её, не дав упасть.

— Надо лекаря.

— Нет.

— Да.

— Нет, — выдохнула Лейла. — Не здесь.

Она не знала почему. Просто внутри было твёрдое: нельзя. Не возле дома Севран. Не там, где её снова могут вернуть, передать, решить за неё.

Назлы огляделась.

— Тогда нам надо куда-то сесть.

— Куда?

Назлы помолчала.

И впервые за всё утро в её лице мелькнула не бравада, а растерянность.

— Я знаю пару дешёвых комнат у рынка. Но там клопы такие, что могут подать в суд за выселение.

Лейла почти улыбнулась, но боль снова стянула живот.

Она опустила руку ниже, к талии.

И замерла.

Странное ощущение длилось всего миг. Едва заметное. Не движение даже — скорее внутренний отклик, тёплая искра где-то глубоко, под болью, под ядом, под страхом.

Лейла похолодела.

Нет.

Она не успела додумать.

Мимо проехала телега, брызнув грязью на подол. Где-то далеко закричал торговец. Над крышами пролетела чёрная тень — птица или дракон, она не поняла.

Мир жил.

А она стояла посреди чужого города, отвергнутая мужем, ненужная отцу, почти без денег, почти без сил — и вдруг впервые по-настоящему испугалась не за себя.

Назлы проследила за её рукой.

— Госпожа?

Лейла медленно выпрямилась.

— Нам нужно уйти подальше.

— От Севранов?

Она посмотрела на закрытые ворота.

За ними остался отец, который сказал, что она не сумела остаться нужной.

За другими воротами — муж, который выбрал истинную.

Между ними — город, где ей не принадлежало ничего.

Лейла сжала серую шаль на груди.

— От всех.

Назлы кивнула.

— Тогда пойдём к Пепельным воротам.

Лейла повернулась к ней.

— Что там?

— Дешёвые комнаты. Люди, которым плевать на родовые скандалы. И воздух, который честно пахнет дымом, а не благородной ложью.

Пепельные ворота.

Слова прозвучали мрачно.

Но почему-то не безнадёжно.

Лейла сделала шаг. Потом второй.

Назлы держала её под руку, ворчала про клопов, украденный мёд и то, что "родня иногда хуже испорченного мяса, потому что мясо хотя бы можно выбросить без угрызений совести".

Лейла почти не слушала.

Внутри неё было пусто.

Но в этой пустоте, у самого сердца, тонко светилась синяя нить.

И где-то совсем глубоко, под ладонью, которой она всё ещё невольно прикрывала живот, теплилось нечто такое хрупкое, что она боялась даже назвать это мыслью.

Она не знала, куда идёт.

Не знала, кем станет.

Не знала, выживет ли.

Но дом отца закрылся за ней.

Дом мужа отрёкся от неё.

Значит, если в этом мире ей нужен был дом, придётся построить его самой.

Глава 6. Пепельные ворота

Чем дальше они уходили от квартала малых родов, тем ниже становился город.

Сначала исчезли резные балконы. Потом — белые стены с мозаикой. Потом мостовые перестали быть ровными, и колёса телег оставляли в выбоинах мутную воду. Вместо запаха жасмина из закрытых двориков потянуло дымом, кислым молоком, мокрой шерстью и чем-то горелым, будто здесь даже утро начиналось не со света, а с копоти.

Назлы уверенно вела её вниз по улице, где дома стояли плечом к плечу, как усталые люди в очереди за дешёвым хлебом.

— Не смотрите так, госпожа, — пробормотала она. — Пепельные ворота не любят жалостливых глаз.

Лейла поправила серую шаль.

— А какие любят?

— Быстрые. Чтобы вовремя заметить, кто лезет в карман.

Она сказала это почти весело, но пальцы на локте Лейлы сжались крепче.

Айлин — прежняя Айлин — никогда здесь не была. Лейла чувствовала это по тому, как тело вздрагивало от каждого резкого крика, от каждой грубой вывески, от каждой женщины с ребёнком на руках, сидящей у стены без надежды, что кто-то подаст больше медяка.

Чёрный Серай был жестоким, но вылизанным. Там боль прятали за тяжёлыми дверями и называли происшествием.

Здесь боль сидела прямо на ступенях.

У кривой лавки старьёвщика мальчик лет десяти держал перед собой корзину с угольками и кашлял так, будто в груди у него перекатывались камни. У стены дремал солдат без ноги. На его колене лежала дощечка с вырезанными деревянными птицами. Женщина в выцветшем платке полоскала в бочке детскую рубашку, и вода тут же становилась серой.

Лейла замедлила шаг.

— Здесь живут люди?

Назлы покосилась на неё.

— Нет, госпожа, декоративные страдания для прогулок знати.

— Прости.

— Не извиняйтесь передо мной. Я здесь хотя бы дорогу знаю.

Она остановилась у низкого здания с облупленной вывеской: на ней когда-то была нарисована чашка, но краска давно стекла дождями, и теперь чашка напоминала открытый рот.

— Харчевня "У трёх углей", — объявила Назлы. — Комнаты наверху дешёвые. Хозяин жадный, но трусливый. Хорошее сочетание: с такими можно торговаться.

— У нас есть чем?

Назлы расправила плечи.

— У нас есть вы. Вы пока ещё выглядите как госпожа.

Этим надо пользоваться, пока платье не испортилось окончательно.

Лейла посмотрела на подол. Грязь уже подсохла тёмными пятнами. Синее платье, выбранное утром как маленький вызов, здесь казалось слишком тонким, слишком дорогим, слишком чужим.

Как она сама.

Внутри харчевни было тепло и шумно. Пахло жареным луком, дешёвой похлёбкой, мокрыми плащами и вчерашним вином. Несколько мужчин у стены замолчали, увидев её. Один присвистнул, но тут же осёкся, когда Назлы так посмотрела на него, что даже Лейла поняла: лучше не продолжать.

Хозяин, толстый мужчина с маленькими глазами, вышел из-за стойки, вытирая руки о передник.

— Комнат нет.

— А если поискать? — спросила Назлы.

— Для вас — нет.

Назлы наклонилась к нему через стойку.

— Рашид, ты меня обижаешь. Я ушла из Чёрного Серая всего утром, а ты уже делаешь вид, что не знаешь лучшую кухарку столицы.

Мужчина побледнел.

— Назлы?

— Она самая. А это госпожа Айлин Севран-Карахан.

Лейла едва заметно напряглась.

Фамилия Демира прозвучала здесь странно. Как нож, положенный на грязный стол.

Харчевня стала тише.

Рашид перевёл взгляд на неё, потом на узел в её руке, потом на шаль.

— Карахан? — осторожно переспросил он.

— Пока бумаги не высохли, да, — сказала Назлы. — И госпоже нужна комната. Чистая. Без клопов размером с твою совесть.

— У меня все комнаты чистые.

Кто-то за столом хрюкнул от смеха.

Назлы улыбнулась.

— Тогда дай ту, где клопы хотя бы здороваются перед ужином.

Через десять минут они поднимались по узкой лестнице. Ступени скрипели так жалобно, будто каждая хотела пожаловаться на судьбу. Комната оказалась маленькой, с низким потолком, узким окном и кроватью, которая выглядела старше рода Севран. В углу стоял таз, на столе — треснувшая глиняная кружка. По стене действительно полз жук.

Назлы убила его тапком.

— Первый враг повержен, — сказала она. — Остальные пусть подождут.

Лейла опустила узел на кровать.

И вдруг всё закончилось.

Силы. Злость. Прямота. Всё, чем она держалась с ночи, с

совета, с комнаты Айлин, с дома отца.

Она села на край кровати, не раздеваясь, и закрыла лицо руками.

Назлы сразу замолчала.

Это молчание оказалось неожиданно бережным.

Не тем, что было в Чёрном Серае, где молчали, чтобы не слышать чужую боль. Назлы молчала так, будто поставила между Лейлой и миром собственную широкую спину.

— Я не знаю, что делать, — сказала Лейла наконец.

Слова вышли глухо, сквозь пальцы.

— Для начала поесть, — ответила Назлы.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Голодные женщины принимают плохие решения. Например, возвращаются к бывшим мужьям.

Лейла опустила руки.

— Я не вернусь.

— Тогда тем более надо поесть. Для гордости нужны силы.

Назлы развязала узел, достала хлеб, сыр, пирожки и банку мёда. Всё это выглядело нелепо на грубом столе, будто из другой жизни. Из кухни Чёрного Серая, где еда оставалась едой, даже когда женщины переставали быть жёнами.

Лейла взяла кусок хлеба.

Пахло мукой и дымом.

Она откусила — и едва не расплакалась.

Не потому, что было вкусно. Хлеб был обычный, чуть

чёрствый.

Просто это была первая еда в новом мире, которую ей дали не как госпоже, не как жене, не как части обряда. А потому что она была жива и должна была есть.

— Спасибо, — сказала она.

Назлы, не глядя, наливала воду в кружку.

— Если ещё раз скажете это таким голосом, я начну ругаться.

— Ты и так постоянно ругаешься.

— Вот именно. Не заставляйте меня работать сверх меры.

Лейла почти улыбнулась.

Потом за окном что-то глухо ударило. Внизу закричали. В харчевне снова загремели голоса. Жизнь Пепельных ворот не собиралась быть тише ради её горя.

Лейла подошла к окну.

С высоты второго этажа был виден узкий переулок. Женщина в чёрном платке тащила корзину угля. Двое детей гонялись за собакой, у которой была только половина хвоста. Старик чинил у стены деревянный костыль. Над крышами, далеко, за дымом и туманом, едва виднелись верхние башни Чёрного Серая.

Они казались нереальными.

Как сон, из которого она вышла без права проснуться обратно.

Она коснулась шрама у ключицы.

В памяти вспыхнула свадьба.

Не вся. Обрывками.

Белый храмовый зал. Высокие чаши с огнём. Демир рядом — молодой, холодный, в чёрном. Его рука лежит поверх её руки, тяжёлая и неподвижная. Айлин смотрит на их пальцы и думает: “Теперь я не одна”.

Потом белые руки жрицы. Чаша. Сладкий дым. Голос:

“Искра жены да ответит пламени мужа”.

Боль у ключицы.

Такая сильная, что Айлин едва не упала.

Демир даже не повернул головы.

И снова голос:

“Терпите, госпожа. Великие клятвы требуют жертвы”.

Лейла отдёрнула руку от шрама.

— Великие клятвы, — прошептала она. — Конечно.

— Что? — спросила Назлы.

— Ничего.

— Это слово обычно означает “всё плохо, но я пока не решила, кому сказать”.

Лейла медленно повернулась к ней.

— Назлы, на моей свадьбе… мне было больно?

Та замерла.

— Вы не помните?

— Плохо.

Назлы села на край стола, поджав губы.

— Я тогда работала на нижней кухне. В зал меня, конечно, не пустили. Но потом девочки говорили… вы были белее

платья. Еле стояли. А госпожа Гюльшан сказала, что приличным женщинам положено терпеть брачные обряды молча.

Лейла закрыла глаза.

Синяя нить.

Селин.

Шрам.

Что-то у Айлин забрали ещё тогда. Возможно, задолго до развода. Возможно, эта история началась не вчера ночью, а в тот день, когда её впервые назвали женой Демира Карахана.

— Госпожа?

— Я не хочу больше быть приличной женщиной.

Назлы кивнула так серьёзно, будто это был военный приказ.

— Давно пора.

К вечеру Лейле стало хуже.

Яд выходил из тела волнами: жар, озноб, дрожь, сухость во рту. Назлы заставила её выпить воды с мёдом, потом уложила на кровать, сама устроилась у двери на стуле с украденным ножом для писем в руке.

— Ты не обязана сторожить меня, — прошептала Лейла.

— Ошибаетесь. Я теперь безработная. Надо же чем-то заниматься.

— Ты могла остаться в Серае.

Назлы фыркнула.

— И слушать, как Гюльшан объясняет мне моё место? Нет уж. Моё место там, где я сама поставлю табуретку.

Лейла отвернулась к стене.

Сон не шёл.

Слишком много было лиц: Демир у окна, Селин в белом, Гюльшан со списком, Фарук с тёплыми глазами и холодными словами.

“За то, что не сумела остаться нужной”.

Лейла сжала край одеяла.

— Я сумею, — прошептала она.

Назлы тихо заворчала во сне.

За стеной кто-то кашлянул.

Сначала Лейла не обратила внимания.

Потом кашель повторился.

Сухой, надрывный, детский.

Она открыла глаза.

В комнате было темно. Через щели в ставнях пробивался серый свет улицы. Внизу глухо гудела харчевня, кто-то пел пьяную песню, кто-то спорил о долге. Но за стеной — совсем рядом — ребёнок снова закашлялся. Долго. Страшно. С таким звуком кашляют не от простуды, а когда воздух не проходит в грудь.

Лейла села.

Голова закружилась.

— Назлы.

Та мгновенно проснулась.

— Что?

— Там ребёнок.

— Где?

Кашель перешёл в хрип.

Потом послышался женский голос:

— Дыши, мой хороший, дыши… Ну же, Арда, дыши…

Лейла уже стояла.

— Госпожа, нет.

— Там ребёнок задыхается.

— Вы сами еле стоите!

— Потом.

— Что потом?

— Я упаду потом.

Она пошла к двери, держась за стену.

Назлы выругалась, схватила шаль и накинула ей на плечи.

— Если вы умрёте в первый же день свободы, я лично пойду в загробный мир и устрою вам скандал.

— Запомню.

Они вышли в коридор.

Там пахло сыростью, дымом и дешёвым мылом. За соседней дверью что-то упало. Женщина вскрикнула. Ребёнок захрипел так, что у Лейлы внутри всё оборвалось.

Она постучала.

Никто не ответил.

Тогда Лейла толкнула дверь.

Комната была ещё меньше их. На полу — матрас, у стены — таз с водой, на табурете — свеча. Молодая женщина держала на руках мальчика лет пяти. Его лицо посинело, пальцы

вцепились в её платье. На тонкой шее под кожей проступали тёмные пятна, похожие на пепел.

А на запястьях — чёрные чешуйки.

Лейла замерла.

Пепельные дети.

Слова всплыли из чужих разговоров, из шёпота слуг, из страха матерей на улицах.

Таких не лечат.

Мать подняла на неё безумные глаза.

— Уходите! У нас нет денег!

Лейла шагнула внутрь.

— Мне не нужны деньги.

— Лекари не приходят без платы!

— Я не лекарь.

Назлы за спиной пробормотала:

— Вот это зря сказали.

Мальчик снова попытался вдохнуть — и не смог.

Всё лишнее исчезло.

Демир. Развод. Отец. Имя. Чужой мир.

Остался ребёнок, который задыхался.

Лейла опустилась на колени.

— Как его зовут?

— Арда, — всхлипнула мать.

— Арда, слышишь меня? Смотри на меня. Не на маму, на меня.

Мальчик не мог смотреть. Глаза закатывались.

Лейла осторожно взяла его за плечи.

Кожа была ледяной.

Не просто прохладной.

Ледяной, как вода под тонким льдом.

И в тот миг, когда её пальцы коснулись чёрных чешуек, ладонь пронзила боль.

Синяя.

Искра вспыхнула под кожей — слабая, тонкая, невозможная. Мальчик резко вдохнул. Мать вскрикнула.

Назлы прошептала:

— О, все святые пирожки…

Лейла не услышала.

Перед глазами на миг появилась нить.

Не та, что тянулась к Селин. Другая. Тусклая, порванная, серо-синяя, дрожащая в груди мальчика. Она была словно обожжена по краям. Лейла не знала, что делает. Не знала заклинаний, обрядов, правил.

Она знала только, как говорить с ребёнком, которому больно.

— Арда, — сказала она тихо. — Дыши за мной. Слышишь? Вот так. Медленно. Я рядом.

Мальчик судорожно втянул воздух.

Ещё раз.

И ещё.

Хрип стал тише.

Мать закрыла рот рукой, будто боялась спугнуть чудо.

Лейла держала мальчика за запястье, чувствуя, как синий свет тонкой струйкой уходит из её ладони в холодную кожу. Силы таяли. Голова кружилась. Но ребёнок дышал.

Дышал.

Она улыбнулась — почти неосознанно.

— Вот так, — прошептала она. — Живые дети должны доживать до утра.

Арда открыл глаза.

Тёмные, мокрые, испуганные.

— Ты… кто? — выдохнул он.

Лейла хотела ответить.

Бывшая жена? Ненужная? Попаданка в чужом теле? Женщина, которой сегодня закрыли два дома?

Она посмотрела на свои светящиеся пальцы.

Синий огонёк медленно погасал.

— Пока не знаю, — сказала она честно.

И в этот миг из тёмного угла комнаты раздался сухой старческий голос:

— А придётся узнать, девочка. После такого храм сам начнёт тобой интересоваться.

Лейла резко обернулась.

В углу, где тени казались гуще дыма, сидела старая женщина в чёрном платке.

Её глаза блестели остро и недобро.

— Кто вы? — спросила Лейла.

Старуха усмехнулась.

— Та, кто вовремя поняла: у Пепельных ворот появилась новая беда.

Она посмотрела на ладонь Лейлы.

— Синяя беда.

Глава 7. Первый пациент

Старая женщина сидела в углу так неподвижно, будто была частью стены.

Чёрный платок закрывал её волосы, лицо прорезали глубокие морщины, а глаза смотрели на Айлин так, как смотрят не на человека — на вспыхнувший в сухом лесу огонь. С осторожностью. С раздражением. И, может быть, с давним страхом, который она слишком хорошо научилась прятать под язвительностью.

— Синяя беда, — повторила старуха.

Назлы, стоявшая у двери с ножом для писем в руке, прищурилась.

— А вы кто такая, чтобы беды по цветам разбирать?

— Та, кто дольше тебя живёт у Пепельных ворот, девка.

— И что, возраст даёт право сидеть в чужих комнатах по углам?

— Нет. Право даёт слух. А у мальчишки хрипы такие, что их на соседней улице слышно.

— Хватит, — тихо сказала Лейла.

Голос вышел слабым, но обе женщины замолчали.

На руках у матери мальчик снова закашлялся — уже не так страшно, как прежде, но всё равно глубоко, больно, с надрывом. Лейла мгновенно повернулась к нему.

— Положите его на бок.

Мать прижала ребёнка к себе крепче.

— Не трогайте…

В её глазах всё ещё стоял ужас. Не перед болезнью даже. Перед надеждой. Надежда опаснее отчаяния: если она обманет, падать будет больнее.

— Я не заберу его, — сказала Лейла. — Мне нужно, чтобы он дышал.

— Вы лекарь?

Лейла хотела сказать “да” — и не смогла.

В своём мире она не была врачом в белом халате, не резала скальпелем, не назначала операции. Она ставила детей на ноги после того, как другие спасали им жизнь. Учила их заново держать ложку, сгибать пальцы, не бояться боли, делать вдох глубже, чем вчера. Она знала, как пахнет страх в больничных коридорах. Знала, как матери смотрят на руки специалиста, будто в них спрятан приговор.

Но этот мир не знал её дипломов.

А она не знала его законов.

— Я умею помогать детям дышать, — сказала она наконец. — Сейчас этого достаточно.

Старуха в углу хмыкнула.

— Самонадеянная.

— Полезнее, чем молчаливая, — огрызнулась Назлы.

Лейла не слушала.

Она осторожно уложила Арду на тонкий матрас. Мальчик был лёгкий — слишком лёгкий для пяти лет. Под пальцами

чувствовались острые плечи, тонкие рёбра, холодная кожа. На запястьях чернели чешуйки, мелкие, плотные, будто под кожу вросли кусочки обугленного стекла.

Когда Лейла коснулась их, синяя искра в ладони дрогнула.

Не вспыхнула — отозвалась.

Как будто внутри мальчика действительно была нить, оборванная и сгоревшая по краям.

— Как давно у него приступы? — спросила она.

Мать сглотнула.

— С рождения. Но так… так сильно — третий раз за месяц.

— Что обычно помогает?

— Ничего.

Одно слово.

А в нём — годы бессонных ночей, пустых обещаний, закрытых дверей.

— Лекаря вызывали?

Женщина горько усмехнулась.

— Первый сказал, что пепельных лечит только храм. Второй велел молиться. Третий взял деньги за свечу и ушёл. Свеча не помогла.

Лейла почувствовала, как внутри поднимается холодная злость.

Молитва вместо воздуха.

Свеча вместо лекарства.

Пепельный ребёнок вместо просто ребёнка.

— Его зовут Арда? — уточнила она.

Женщина кивнула.

— Ясмин.

— Что?

— Меня зовут Ясмин. Если… если нужно.

Нужно.

Конечно, нужно.

Людей нужно называть по именам, иначе они слишком быстро превращаются в “случай”, “больного”, “пепельного”, “ненужного”.

— Ясмин, принесите тёплой воды. Не кипяток. Тёплой. И чистую ткань, если есть.

— Чистой нет.

— Самую чистую.

Ясмин вскочила, как человек, которому наконец дали приказ, не похожий на приговор.

Назлы уже шарила в своём узле.

— У нас есть кусок полотна. Я прихватила с кухни.

Лейла подняла глаза.

— Ты украла полотно?

— Спасла от морального разложения вместе с пирожками.

— Назлы.

— Потом благодарить будете. Сейчас командуйте.

Лейла почти улыбнулась, но Арда снова судорожно вдохнул, и улыбка исчезла.

Она села рядом с ним на колени.

— Арда, слышишь меня?

Мальчик едва заметно шевельнул ресницами.

— Хорошо. Ты молодец. Сейчас будем дышать вместе. Смотри… нет, не надо широко. Маленький вдох. Вот так.

Она показала.

Медленно.

Ровно.

Мальчик пытался повторить. Воздух проходил с хрипом, грудь вздрагивала. На шее у него пульсировала тонкая жилка.

Лейла положила одну руку ему между лопаток, другую — на запястье, чуть выше чёрных чешуек.

Синий свет проснулся снова.

Назлы за спиной втянула воздух.

— Госпожа…

— Тихо.

Свет был слабым, но тёплым. Он не подчинялся ей полностью. Скорее, просачивался сам — как вода через трещину. Лейла почувствовала, как уходит собственное тепло. Пальцы похолодели. В голове зашумело. Но дыхание Арды стало чуть глубже.

Старуха поднялась со стула.

Теперь Лейла увидела, что она высокая, сухая, с прямой спиной. Старость не согнула её — только заострила.

— Не вливай много, — резко сказала она.

Лейла не обернулась.

— Чего?

— Силы. Он не удержит. Ты зальёшь слабую искру, и его снова скрутит.

Лейла замерла.

— Тогда что делать?

— Не давить. Связывать.

— Я не понимаю.

Старуха подошла ближе, но не коснулась ни ребёнка, ни Лейлы.

— Конечно не понимаешь. У тебя дар проснулся, а мозгов к нему не выдали.

Назлы возмущённо охнула.

— Да я сейчас…

— Назлы, — сказала Лейла. — Потом.

— Все говорят "потом", когда надо дать кому-то в лоб.

Старуха даже не посмотрела на неё.

— Слушай, девочка. У пепельных искра рвётся. Их пламя само себя жрёт. Твоя синяя не должна заменять его огонь. Она должна удержать края.

Лейла закрыла глаза.

Удержать края.

В своём мире она держала детские пальцы, когда малыш заново учился сжимать мяч. Поддерживала плечо, когда ребёнок после травмы боялся сделать первый шаг. Не тянула вместо него. Не делала за него. Только давала опору, пока

тело вспоминало, что ещё может.

Связывать.

Не спасать вместо.

Помочь удержаться.

Она выдохнула.

— Арда, слушай меня. Мы не будем бороться. Мы будем держаться. Хорошо?

Мальчик не ответил. Но его пальцы чуть дрогнули.

Лейла представила нить.

Серо-синюю, обугленную, рваную. Не надо заливать её светом. Надо осторожно, тонко, как шов на живой коже. Край к краю. Дыхание к дыханию.

Синяя искра в её ладони изменилась.

Стала не ярче — точнее.

Тонкая линия света скользнула под кожу Арды. Мальчик вскрикнул, выгнулся, и Ясмин бросилась к нему.

— Нет!

Старуха схватила её за плечо.

— Стой, если хочешь, чтобы он выжил.

— Ему больно!

— Он живой. Живым бывает больно.

Лейла сжала зубы.

Ей тоже было больно.

Боль прошла от ладони к запястью, выше, к локтю, в грудь. На миг ей показалось, что она сама задыхается вместе с Ардой. В лёгкие словно насыпали пепел. Мир поплыл. Но

она держала нить.

— Дыши, — прошептала она. — Арда, пожалуйста. Дыши.

Мальчик резко вдохнул.

Хрипло.

Потом ещё.

И ещё.

В комнате все замерли.

Ясмин прижала кулак к губам. Назлы стояла с полотном в руках и плакала так сердито, будто слёзы оскорбляли её лично. Старуха смотрела на синюю линию у ладони Лейлы, и в её глазах больше не было насмешки.

Только ужас.

И узнавание.

Через несколько минут приступ отступил.

Не ушёл совсем — Лейла чувствовала это. В груди мальчика всё ещё дрожала повреждённая искра. Но смерть, которая стояла у его горла, отступила за порог.

Арда открыл глаза.

— Мама?..

Ясмин рухнула рядом с матрасом и прижала его к себе так осторожно, будто боялась сломать.

— Я здесь, мой свет. Здесь.

Мальчик повернул голову к Лейле.

— Тётя синяя…

Лейла хотела ответить, но вместо слов из горла вышел

хрип.

Назлы бросилась к ней.

— Госпожа!

Пол ушёл из-под колен.

На этот раз Лейла упала бы, если бы Назлы не подхватила её с неожиданной силой.

— Я говорила, что потом упаду, — попыталась прошептать Лейла.

— У вас отвратительная привычка выполнять обещания.

Старуха сунула ей под нос пузырёк.

— Пей.

— Что это?

— Не яд, если тебе от этого легче.

— После сегодняшней ночи не очень.

— Пей, сказала.

Назлы прищурилась.

— А если там правда яд?

— Тогда она умрёт с меньшей глупостью в голове, чем сейчас.

— Вы всем так помогаете?

— Только тем, кто сам лезет в могилу, прихватив чужого ребёнка за руку.

Лейла всё-таки выпила.

Отвар оказался горьким, густым и обжигающим. Почти сразу в животе разлилось тепло, а шум в голове стал тише.

— Спасибо, — сказала она.

Старуха поморщилась.

— Не начинай. Благодарность — дешёвая монета. Ею обычно платят, когда настоящей нет.

Ясмин подняла на неё мокрые глаза.

— Он будет жить?

Старуха посмотрела на мальчика.

Долго.

— Сегодня — да.

Ясмин вздрогнула.

— А завтра?

— Завтра тоже надо дожить.

Лейла медленно выпрямилась в руках Назлы.

— Что это за болезнь?

Старуха усмехнулась, но веселья в этом не было.

— Ты только что сунула руки в пепельную искру и спрашиваешь после?

— Я спрашиваю сейчас.

— Пепельная болезнь. Храм зовёт её карой за нечистую кровь. Лекари зовут безнадёжной. Матери зовут как угодно, лишь бы дети дышали.

Ясмин опустила голову.

— Его отец был полукровкой, — прошептала она. — Хорошим человеком. Солдатом. Умер до рождения Арды. В храме сказали, что это наказание за неправильную кровь.

— В храме много говорят, когда не хотят лечить, — отрезала старуха.

Лейла смотрела на мальчика.

Худые плечи. Влажные волосы на лбу. Чёрные чешуйки на запястьях. Маленькая грудь, которая поднималась и опускалась — пока ровно, пока живо.

Внутри у неё снова поднялась память.

Не Айлин.

Своя.

Мальчик в больничной палате. Младший брат, слишком бледный после операции. Его пальцы в её ладони. “Лейла, я ведь поправлюсь?” И её голос: “Конечно”. Потому что что ещё можно сказать ребёнку, если правда стоит рядом и молчит?

Она не смогла тогда.

Не до конца.

Не навсегда.

Боль, которую она годами носила под рёбрами, вдруг шевельнулась, как старая рана перед дождём.

Нет.

Не здесь.

Не этого мальчика.

Она повернулась к старухе.

— Как вас зовут?

— Не твоё дело.

— Тогда я буду звать вас “та грубая женщина из угла”.

Назлы одобрительно хмыкнула.

Старуха посмотрела на Лейлу так, будто впервые решила,

что та не совсем бесполезна.

— Сабиха Вардан.

Имя прозвучало сухо, как щелчок закрытого замка.

Назлы замерла.

— Чёрная ворона?

Сабиха медленно повернула к ней голову.

— Хочешь каркнуть за меня?

— Нет, я просто… думала, вы умерли.

— Многие надеялись.

Лейла устало потерла лоб.

— Вы знаете, что со мной происходит.

— Догадываюсь.

— Вы можете объяснить?

— Могу.

— Объясните.

— Нет.

Лейла уставилась на неё.

— Почему?

Сабиха наклонилась ближе.

От неё пахло полынью, дымом и старой аптекой.

— Потому что если я сейчас объясню тебе всё, ты решишь, что обязана спасти каждого пепельного ребёнка в этом проклятом районе. А ты и одного едва не спасла ценой собственной жизни. Дар без ума — это не благословение, девочка. Это приглашение на похороны.

Лейла молчала.

Сабиха продолжила:

— Ты не лекарка Аждара. Не храмовая. Не обученная. Не защищённая. И, судя по платью и шали, больше не очень богатая. Если белые узнают, что у бывшей жены Карахана вспыхнула синяя искра, тебя заберут раньше, чем ты научишься кипятить воду правильно.

— Белые — это храм Аксу?

— А ты не совсем дурочка.

Назлы скрестила руки.

— С ней поуважительнее.

— Уважение надо заслужить.

— Она только что ребёнка спасла.

— Вот именно. Глупость героическая, но глупость.

Арда тихо зашевелился на руках у матери.

— Синяя тётя не глупая.

Все замолчали.

Лейла посмотрела на мальчика.

Он был совсем слаб. Глаза слипались, но он упрямо смотрел на Сабиху, будто готов был защищать свою спасительницу тем единственным оружием, которое у него оставалось, — детским доверием.

Сабиха фыркнула.

— Вот и первый поклонник. Поздравляю, девочка. Обычно с этого всё и начинается: один спасённый ребёнок, одна рыдающая мать, одна дурацкая клятва — и через год тебя либо сжигают, либо объявляют святой. Разницы почти нет.

Лейла вдруг сказала:

— Я не хочу быть святой.

Сабиха прищурилась.

— А кем хочешь?

Вопрос застал врасплох.

Кем?

Ненужной женой? Бывшей Карахан? Дочерью, которую не приняли? Лейлой в теле Айлин? Айлин с памятью Лейлы? Женщиной, у которой не осталось дома?

Она посмотрела на Арду.

Потом на Ясмин, которая всё ещё держала сына так, будто боялась, что воздух передумает и снова его заберёт.

— Пока, — сказала Лейла медленно, — женщиной, которая не проходит мимо, когда ребёнок задыхается за стеной.

Сабиха долго смотрела на неё.

Потом кивнула, будто услышала не ответ, а диагноз.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что таких чаще всего убивают первыми.

Назлы резко сказала:

— Или такие выживают назло.

Сабиха перевела взгляд на неё.

— Ты кто?

— Назлы.

— Родня?

— Хуже. Добровольная помощница.

— Значит, тоже дура.

— Зато с едой.

— Это уже полезнее.

Лейла неожиданно улыбнулась. Усталость накрывала её всё сильнее, но вместе с ней приходило что-то новое. Не надежда ещё. Нет. Надежда слишком громкое слово для комнаты с сырой стеной и больным ребёнком.

Но, может быть, смысл.

Маленький. Тонкий. Как синяя нить.

Ясмин вдруг наклонилась и попыталась коснуться лбом пола.

— Не надо! — Лейла едва успела остановить её. — Не делайте так.

— Вы спасли моего сына.

— Я помогла ему пережить приступ.

— Для меня это одно и то же.

Слова ударили неожиданно глубоко.

Лейла отвернулась к окну, за которым начинало сереть утро. Она прожила в этом мире меньше суток. За это время её назвали бывшей, ненужной, нестабильной, бесполезной для рода. У неё забрали дом, письма, плащ, почти имя.

А здесь, в комнате у Пепельных ворот, женщина с красными от слёз глазами смотрела на неё так, будто она была нужна.

Не роду.

Не мужу.

Не отцу.

Ребёнку, который дышал.

Лейла сглотнула.

— Завтра я зайду к нему.

Сабиха резко сказала:

— Нет.

— Почему?

— Потому что завтра ты должна лежать, пить отвар и не светиться на весь район, как храмовая приманка.

— А Арда?

— Я зайду.

Ясмин подняла голову.

— Вы?

— Не радуйся так, женщина. Я беру дорого.

— У меня нет…

— За этого заплатит синяя дура.

Лейла моргнула.

— Я?

— Ты.

— У меня тоже почти ничего нет.

Сабиха окинула её взглядом.

— У тебя есть серьги?

Лейла машинально коснулась уха. Серьги остались. Маленькие, серебряные, те, что Гюльшан не сочла важными или просто не заметила под волосами.

— Есть.

— Значит, не ври, что ничего нет.

Назлы возмутилась:

— Да это грабёж!

— Нет, девочка. Грабёж — это когда богатые забирают последнее и называют милостью. А я честно говорю цену.

Лейла сняла одну серьгу.

Рука дрожала.

Не от жадности. От понимания: вот так теперь будет. Всё, что у неё осталось от прежней жизни, придётся менять на возможность жить дальше.

Она протянула серьгу Сабихе.

Та взяла, осмотрела и спрятала.

— Завтра утром придёшь ко мне.

— Куда?

— Спросишь у любого старьёвщика, где Чёрная ворона. Только не говори громко про синий свет, если мозги всё-таки есть.

— Зачем мне приходить?

Сабиха направилась к двери.

— Потому что если не научишься держать свою искру, следующий ребёнок умрёт у тебя на руках. А потом умрёшь ты.

Она остановилась на пороге и обернулась.

— И ещё, Айлин Севран-Карахан.

Лейла вздрогнула от полного имени.

— Что?

— Если хочешь выжить у Пепельных ворот, запомни первое правило: здесь никого не спасают бесплатно.

Лейла посмотрела на Арду, который уже спал, уткнувшись лицом в плечо матери.

— А второе?

Сабиха усмехнулась.

— Второе узнаешь, когда нарушишь первое.

И вышла.

Дверь закрылась.

Некоторое время никто не говорил.

Потом Назлы тихо произнесла:

— Мне она не нравится.

Лейла устало прислонилась к стене.

— Мне тоже.

— Пойдёте?

Она посмотрела на свои руки.

На ладонях ещё мерцал слабый синий след. Он гас, но не исчезал полностью, будто под кожей теперь жила память о чужом дыхании.

За окном начинался новый день.

Не в Чёрном Серае.

Не в доме Севран.

Здесь — у Пепельных ворот, где дети задыхались за стеной, а старые женщины брали серьги за правду.

Лейла закрыла ладони.

— Пойду.

Назлы вздохнула.

— Я так и знала.

— Почему?

— У вас лицо человека, который уже нашёл себе неприятности и теперь собирается их усыновить.

Лейла хотела возразить, но не стала.

Потому что в соседней комнате Арда дышал.

И впервые за долгое время — её или Айлин, она уже не знала, — этого было достаточно, чтобы не пожалеть о прожитом дне.

Глава 8. Чёрная ворона

Утром Айлин проснулась от того, что Назлы с кем-то ругалась за дверью.

Причём ругалась шёпотом.

Это было почти страшнее, чем если бы она кричала.

— Я сказала, госпожа спит.

— А я сказала, что мёртвые тоже обычно начинают с этого.

— Слушайте, ворона вы недощипанная…

— Девка, у меня в сумке три вида рвотного, две иглы для вскрытия нарывов и настроение, с которым я могу использовать всё не по назначению.

Лейла открыла глаза.

Потолок над ней был низким, серым, с тёмным пятном в углу. Не Чёрный Серай. Не дом Севран. Комната над харчевней у Пепельных ворот. На мгновение она не поняла, почему от этого стало легче.

Потом вспомнила.

Развод. Отец. Арда. Синий свет.

Сабиха Вардан.

Она попыталась сесть — и сразу пожалела. Тело отозвалось слабостью, будто ночью её не сон накрыл, а каменная плита. В ладонях тянуло. Под кожей, где вчера вспыхивала синяя искра, теперь лежала тупая боль.

В дверь стукнули.

Точнее, не стукнули — ударили костяшками так, будто дверь уже провинилась.

— Жива? — спросил сухой голос.

Лейла охрипло ответила:

— Смотря для каких целей.

Дверь тут же распахнулась.

Сабиха вошла без приглашения.

Сегодня при дневном свете она казалась ещё суше и суровее. Чёрный платок, тёмное платье, кожаная сумка через плечо, тонкие пальцы с пятнами травяных настоев. Лицо у неё было такое, будто жизнь много раз пыталась с ней договориться и каждый раз уходила с побитой гордостью.

Назлы вошла следом, возмущённая до последней складки фартука.

— Я ей говорю: нельзя. А она говорит: можно. Я говорю: госпожа больна. А она говорит…

— Что больные обычно лежат, пока умные работают, — закончила Сабиха. — И была права.

— Вы невыносимая.

— Зато полезная.

Лейла откинулась на подушку.

— Арда?

Сабиха пристально посмотрела на неё.

— Доброе утро, спасибо, что пришли, как ваше здоровье, Сабиха-ханым.

— Арда? — повторила Лейла.

Старуха усмехнулась.

— Жив. Спал до рассвета. Дышит ровнее. Мать рыдает, будто это она всю ночь хрипела.

Лейла закрыла глаза.

Воздух вышел из груди так резко, словно она сама всё ещё держала мальчика за руку.

Жив.

Одно слово — и в нём оказалось больше смысла, чем во всех вчерашних родовых речах.

Сабиха поставила сумку на стол.

— Вот это твоё главное проклятие.

— Что именно?

— Ты радуешься слишком рано.

Лейла открыла глаза.

— Ребёнок выжил.

— Сегодня.

— Иногда сегодня — всё, что есть.

Сабиха замерла.

На миг что-то болезненное мелькнуло в её лице — так быстро, что Лейла могла бы решить, будто показалось. Потом старуха снова стала каменной.

— Красивые слова. От них обычно толку меньше, чем от чистого бинта.

Назлы ткнула пальцем в её сумку.

— Так вы бинты принесли или только характер?

— И то и другое. Но характер дороже.

Сабиха вытащила из сумки маленький пузырёк с тёмным настоем, свёрток трав и плоскую жестяную коробку.

— Пей.

Лейла подозрительно посмотрела на пузырёк.

— Вчера вы уже говорили, что это не яд.

— И не соврала.

— А сегодня?

— Сегодня я слишком занята, чтобы тебя травить. Пей.

Назлы забрала пузырёк, понюхала и скривилась.

— Пахнет болотом и обидой.

— Хороший настой так и должен пахнуть.

Лейла выпила.

Отвар обжёг язык и провалился в желудок тяжёлым теплом. Через несколько секунд пальцы перестали дрожать так заметно.

— Что это?

— То, что удержит твою глупую синюю искру от попытки вылезти наружу через кожу.

Лейла медленно поставила пузырёк на стол.

— Значит, вы всё-таки объясните.

— Нет. Я буду ругаться, а ты будешь делать выводы. Так информация запоминается лучше.

Назлы фыркнула:

— Я бы предпочла обычное обучение.

— Поэтому тебя никто и не спрашивает.

Сабиха взяла Лейлину руку и повернула ладонью вверх.

Пальцы у старухи были холодные, крепкие. Она нажала на запястье, потом на центр ладони, потом вдруг резко провела ногтем по коже.

Лейла вздрогнула.

Под ногтем Сабихи вспыхнула тончайшая синяя линия.

Назлы ахнула.

Сабиха выругалась тихо, но так выразительно, что даже стены, кажется, смутились.

— Плохо.

— Что плохо? — спросила Лейла.

— Она отвечает без зова.

— Это значит?

— Это значит, что вчера ты не просто помогла мальчишке. Ты связалась с его повреждённой искрой. И теперь, если у него ночью снова начнётся приступ, тебя может дёрнуть через весь квартал.

Лейла похолодела.

— Я почувствую?

— Если повезёт — почувствуешь. Если нет — просто проснёшься с кровью из носа и желанием лечь обратно в гроб.

Назлы резко поставила руки в бока.

— А можно без гробов до завтрака?

— У вас тут завтрак? — Сабиха оглядела комнату. — Я думала, похороны приличного быта.

Лейла устало потерла лоб.

— Что такое синяя искра?

Сабиха отвернулась к окну.

Снаружи Пепельные ворота уже проснулись. Кто-то ругался из-за воды у колонки. По мостовой катили телегу, скрипящую так, словно её собирали из костей. В харчевне внизу звенела посуда.

— Редкая мерзость, — сказала Сабиха.

— Вы всегда так говорите о дарах?

— О дарах — особенно. Люди слышат "дар" и сразу думают, будто мир решил их поцеловать в макушку. А мир, милая, чаще даёт не подарок, а работу без жалованья.

Лейла молчала.

Сабиха повернулась.

— Синяя искра — не огонь разрушения, не власть, не храмовая белая муть. Она связывает. Сшивает. Держит то, что распадается. Повреждённую магию. Порванные клятвы. Иногда — жизнь, если жизнь ещё не совсем решила уйти.

Лейла посмотрела на свои ладони.

— Поэтому Арда дышал?

— Поэтому Арда не умер у тебя на руках. Не путай.

— А пепельная болезнь…

— Не лезь.

Слова прозвучали резко.

Слишком резко.

Лейла подняла глаза.

— Вы знаете, что это не кара.

Сабиха застыла.

Назлы перестала возиться с узлом.

В комнате стало так тихо, что за стеной послышался кашель какого-то постояльца.

— Осторожно, девочка, — сказала Сабиха наконец. — Некоторые вопросы стоят дороже серёг.

— Ясмин сказала, храм считает это наказанием за кровь.

— Храм много чего считает. Особенно чужие деньги и чужих детей.

— Но вы не верите.

— Я достаточно стара, чтобы не верить словам людей в белом.

У Лейлы снова заныл шрам у ключицы.

Белые руки. Чаша. Боль.

Селин в комнате. Синяя нить к её груди.

— Храм Аксу следит за синей искрой? — спросила она.

Сабиха усмехнулась.

— Следит? Нет. Следят за тем, что можно потерять. А синюю искру они предпочитают запирать, резать, вшивать в обряды и называть всё это волей судьбы.

Лейла замерла.

Назлы прошептала:

— Что значит — резать?

Сабиха резко закрыла сумку.

— Значит, языком надо пользоваться осторожнее. Моим

— тоже.

— Нет, — сказала Лейла тихо. — Вы начали. Договаривайте.

— Не приказывай мне, госпожа Карахан.

Фамилия ударила неприятно.

— Я уже почти не Карахан.

— Для белых это не важно. Для чёрных — тоже. Для Пепельных ворот, может, и да, но район документов не читает. Он смотрит, кто платит за хлеб и кто убегает первым, когда приходит стража.

Лейла села ровнее.

— Я не убегу.

Сабиха посмотрела на неё с такой злостью, будто это был не ответ, а личное оскорбление.

— Вот за это я и не люблю молодых дур с добрыми глазами.

— У меня не добрые глаза.

Назлы кашлянула.

— Госпожа…

— Не сейчас.

— У вас добрые глаза. Но злые брови, если это утешит.

Сабиха неожиданно коротко рассмеялась.

Смех у неё был неприятный, ржавый, но настоящий.

— Ладно. Значит, так. Если хочешь выжить, запомни три вещи. Первая: не лечи пепельных при свидетелях.

— Вчера были свидетели.

— Вчера ты ещё не знала, насколько глупа. Теперь знаешь.

— Вторая?

— Не ходи в храм. Даже если будут звать мягко. Особенно если будут звать мягко.

Лейла вспомнила Селин: “Мне правда жаль”.

— А третья?

Сабиха наклонилась ближе.

— Никогда не позволяй белым касаться шрама у ключицы.

Кровь отхлынула от лица.

Лейла медленно подняла руку к шраму.

— Почему?

Сабиха посмотрела туда, и в её взгляде впервые не было насмешки.

Только холодная ярость.

— Потому что этот шрам должен был быть просто брачным. А у тебя он выглядит так, будто из него однажды что-то вытянули.

Назлы выругалась.

Лейла молчала.

Слова Сабихи не стали открытием. Скорее — дверью, которую она уже видела в темноте, но боялась тронуть.

Свадьба. Белая чаша. Боль. Синяя нить к Селин.

Что у меня забрали?

И почему я жива, если Айлин — нет?

— Вы можете научить меня контролировать искру? —

спросила она.

Сабиха сразу отстранилась.

— Могу.

Лейла выдохнула.

— Тогда…

— Если сначала научишься не умирать от собственной доброты.

Назлы подняла палец.

— Я это запишу и буду повторять ей каждое утро.

— Начни с сегодняшнего.

— Сегодня она ещё не завтракала.

— Тем более. Голодная доброта особенно тупая.

Лейла почти улыбнулась, но улыбка быстро погасла.

— Мне некуда идти, Сабиха-ханым. У меня почти нет денег. Нет защиты. Нет имени, которое не было бы ловушкой. И если этот дар действительно может помочь таким детям, как Арда…

— Остановись.

— Почему?

— Потому что сейчас ты скажешь что-то героическое. А у меня от героев изжога.

Лейла замолчала.

Сабиха подошла к двери, выглянула в коридор, потом закрыла её на щеколду.

— У меня есть предложение.

Назлы напряглась.

— Звучит как начало беды.

— Всё полезное так звучит.

Сабиха достала из-за пазухи маленький железный ключ на потемневшем кольце. Ключ был старый, с узорчатой головкой в виде тонкой нити.

Лейла смотрела на него, не понимая, почему от этого куска металла вдруг перехватило дыхание.

— У Пепельных ворот есть старая лавка, — сказала Сабиха. — Пустует уже полгода. Раньше там держала дело одна травница. Потом умерла. Или ей помогли — смотря кого спросить.

— Что за лавка?

— Узкая. Сырость, крысы, сломанная печь, полки гнилые, крыша течёт. Полная прелесть для женщины, которую выгнали из дворца.

Назлы посмотрела на неё с ужасом.

— Вы сейчас продаёте нам развалину?

— Нет. Я продаю возможность не спать над харчевней, где стены тоньше совести Рашида.

— А почему она у вас?

— Потому что старая травница задолжала мне. Все умирают, а долги остаются — это и есть настоящая магия империи.

Лейла протянула руку к ключу, но Сабиха сразу убрала его.

— Не так быстро.

— Сколько?

— Долг по аренде. Часть старых платежей. И моя цена за обучение.

Назлы прищурилась.

— Скажите сразу, сколько внутренних органов нам оставить себе.

Сабиха назвала сумму.

Назлы поперхнулась.

— Да вы с ума сошли!

— Давно. Но считать не разучилась.

Лейла молча коснулась ушей.

Одна серьга уже ушла за Арду. Оставалась вторая. Ещё кольцо Севран. Маленький нож. Письмо Демира, которое ничего не стоило и почему-то было самым тяжёлым.

— У меня нет столько.

— Будет, если продашь не здесь. На нижнем рынке серебро берут дешевле, зато без вопросов. У тебя ещё есть что-то припрятанное?

Лейла вспомнила Гюльшан, её список, холодное “вы — больше нет”.

— Немного.

Назлы резко сказала:

— Госпожа, мы не можем отдать последнее за лавку с крысами.

— Можем, — тихо ответила Лейла.

— Нет, не можем. Последнее — оно на то и последнее.

— Назлы.

— Что?

— Если мы заплатим за комнату на неделю, через неделю у нас не будет ничего. Если купим лавку…

— То у нас будет ничего с крышей, которая течёт.

— Но это будет наше ничего.

Назлы открыла рот.

Закрыла.

Посмотрела на неё уже иначе.

Сабиха тоже смотрела.

В её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение, но она тут же спрятала его за хмуростью.

— Не называй лавку своей раньше времени. Пепельные ворота не любят тех, кто слишком быстро пускает корни.

Лейла протянула руку.

— Покажите.

Лавка стояла в переулке между мастерской жестянщика и домом с заколоченными окнами.

До неё они дошли после полудня.

Сначала Сабиха заставила Лейлу поесть. Потом — выпить ещё один отвар. Потом — закутаться в шаль так, чтобы не было видно шрама у ключицы. Назлы всю дорогу ворчала, что "если так выглядит начало новой жизни, то старая хотя бы имела нормальные полы".

Пепельные ворота днём были не менее мрачными, чем но-

чью, но Лейла начала видеть в них детали.

Старуха, продающая горячие лепёшки с травами. Мальчишка, ловко перебегающий дорогу перед телегой. Мужчина с деревянной ногой, который на пороге мастерской вырезал маленькое колесо для детской игрушки. Женщина, смеющаяся так громко, будто назло всему району.

Здесь было тяжело.

Но живо.

Не так, как в Чёрном Серае, где стены дышали прошлым и властью.

Здесь каждый вдох приходилось добывать.

Сабиха остановилась перед дверью с облупленной синей краской.

Вывеска висела на одном ржавом крюке. Второй давно отломился, поэтому доска перекосилась и стучала о стену при каждом порыве ветра.

На выцветшем фоне едва можно было разобрать старые буквы:

“Си… ня… ни…”

Назлы наклонила голову.

— Что там написано?

Сабиха хмыкнула.

— Когда-то было “Синяя нить”.

Лейла замерла.

Слова ударили прямо в грудь.

Синяя нить.

Та, что тянулась к Селин.

Та, что вспыхнула в ладони над Ардой.

Та, что, возможно, держала её саму в чужом теле, не давая рассыпаться от страха.

— Кто так назвал лавку? — спросила она.

— Женщина, которая знала больше, чем следовало, — сухо ответила Сабиха. — Закончила, как обычно заканчивают такие женщины.

— Умерла?

— Исчезла. Иногда это хуже.

Назлы поёжилась.

— Весёлое местечко. Прямо свадебный подарок судьбы.

Сабиха вставила ключ в замок.

Замок заскрипел, закашлял ржавчиной, но открылся.

Дверь подалась внутрь.

Из лавки пахнуло сыростью, пылью, старыми травами и мышиным помётом.

Назлы зажала нос.

— О нет.

Лейла шагнула внутрь.

Пол скрипнул. В углу что-то шуршало — крыса или целая семья крыс, успевшая оформить наследственные права. На полках стояли мутные банки, часть разбита. Печь была треснута. Окно заколочено досками, сквозь щели падали тонкие

полосы света. На потолке темнело пятно от протечки.

Это было ужасно.

Маленькое. Грязное. Холодное. Почти безнадёжное.

Лейла стояла посреди лавки и вдруг почувствовала, как горло сжимается.

Потому что здесь никто не говорил ей, где сидеть.

Никто не забирал письма.

Никто не называл её милостью.

Никто не решал, какое платье ей надеть перед собственным уничтожением.

Это место не было домом.

Пока нет.

Но впервые за двое суток оно могло им стать.

Назлы ходила по лавке с выражением человека, который мысленно хоронил здравый смысл.

— Крысы.

— Да, — сказала Лейла.

— Пыль.

— Да.

— Печь сломана.

— Вижу.

— Крысы, госпожа.

— Ты уже говорила.

— Я повторяю для усиления трагедии.

Сабиха опёрлась на дверной косяк.

— Ну? Передумала?

Лейла медленно подошла к старому прилавку. Провела пальцем по пыли. На дереве под грязью проступала тонкая резьба — переплетённые линии, похожие на нити.

Синяя нить.

Она вдруг ясно увидела: здесь можно поставить чистые банки. Здесь — стол для перевязок. У окна — полку с травами. У печи — место, где больной ребёнок сможет согреться. На двери — новую вывеску. Не роскошную, нет. Но ровную. Читаемую.

Место, куда приходят не потому, что им позволили.

А потому что там не отворачиваются.

Лейла сняла вторую серьгу.

Потом кольцо Севран.

Оно сопротивлялось, застряло на пальце, будто бедный род не хотел отпускать последнюю возможность снова продать её в чью-то пользу. Она дёрнула сильнее. Кожа покраснела. Кольцо соскользнуло.

Назлы тихо сказала:

— Госпожа…

Лейла положила серьгу и кольцо на прилавок перед Сабихой.

— Этого хватит на первый взнос?

Старуха молча взяла украшения, взвесила на ладони.

— На ключ. На долг — частично. На моё обучение — пока только чтобы я не выгнала тебя сразу.

— Честно.

— Ненавижу, когда меня называют честной. Портит репутацию.

Она протянула ключ.

Лейла взяла его.

Железо было холодным, тяжёлым. Самый обычный ключ. Не магический артефакт, не знак рода, не брачный браслет, не печать мужа.

Просто ключ от разваленной лавки с крысами.

И всё же он лёг в ладонь так, будто кто-то впервые сказал: выбирай.

Лейла сжала его.

Синяя искра под кожей дрогнула слабым светом.

Сабиха это увидела.

— Не свети. Крысам всё равно, а людям лишние чудеса вредны.

Назлы вздохнула.

— Значит, теперь мы владеем дырой в стене.

— Арендуем, — поправила Сабиха. — До первой просрочки.

Лейла посмотрела на пыльные полки, на кривую вывеску, на тёмное окно.

— Нет, — сказала она тихо. — Мы начинаем.

Назлы посмотрела на неё, потом на крысиный угол, потом снова на неё.

— Я хотела новую жизнь без дворцовых интриг, но с чистой кухней.

— Получишь кухню.

— Здесь?

— Здесь.

— Тогда первая крыса, которую я увижу на полке с едой, получит имя Гюльшан.

Лейла неожиданно рассмеялась.

Смех вышел короткий, хриплый, но настоящий. Он ударился о пыльные стены, вспугнул что-то в кладовке и вернулся к ней — странный, живой, почти невозможный.

Сабиха смотрела на неё из-под чёрного платка.

— Радуется, — буркнула она. — Дура.

Но в голосе уже не было прежней злости.

Только усталость.

И, может быть, совсем глубоко — крошечная, неосторожная надежда.

Лейла подошла к двери и вывела пальцами по перекошенной вывеске.

“Синяя нить”.

Буквы были почти стёрты.

Но не исчезли.

Как Айлин.

Как она сама.

— Мы восстановим, — сказала Лейла.

Назлы подняла бровь.

— Лавку?

Лейла посмотрела на свои руки.

На ладони всё ещё лежал след синего света. Очень слабый. Но теперь она его не боялась так сильно.

— Всё, что сможем.

За дверью Пепельные ворота шумели, кашляли, торговались, ругались, жили.

Где-то в соседнем переулке заплакал ребёнок.

Сабиха сразу повернула голову на звук.

Лейла тоже.

И в этот миг она поняла: назад действительно нет дороги.

Чёрный Серай больше не был её домом.

Дом Севран не открылся.

Но здесь, среди пыли, крыс, сырости и старой вывески, у неё появился ключ.

Не к спасению.

Нет.

К борьбе.

И Лейла — Айлин Севран-Карахан, ненужная жена чёрного дракона — впервые за всё время позволила себе подумать, что, возможно, ненужность бывает началом свободы.

Глава 9. Лавка с крысами

Крыса смотрела на Айлин с полки так, будто первой арендовала лавку и теперь ждала объяснений.

Она была крупная, серая, наглая, с длинными усами и выражением морды, удивительно похожим на старейшину Карахан, который вчера возмущался её правом читать документы.

Назлы застыла посреди лавки с веником в руках.

— Госпожа, — сказала она очень тихо. — Не двигайтесь.

Айлин тоже не двигалась.

Крыса моргнула.

Назлы моргнула в ответ.

— Кажется, она нас оценивает, — прошептала Айлин.

— Это не крыса. Это налоговый сборщик в шерстяном облике.

— Думаешь?

— Уверена. Смотрите, какая самоуверенная морда.

Крыса перебежала по полке, задела лапой пустую банку, банка покатилась, упала на пол и разбилась с таким звоном, что где-то в кладовке возмущённо зашуршало ещё несколько жильцов.

Назлы медленно повернула голову к Айлин.

— Там семья.

— Возможно, род.

— Дом Крысахан.

Айлин не выдержала.

Она рассмеялась.

Смех пришёл внезапно, больно, почти испуганно. После стольких часов, когда каждое слово было защитой, каждое движение — борьбой за остатки достоинства, смех казался чем-то неприличным. Но он всё равно вырвался. Короткий, хриплый, живой.

Назлы посмотрела на неё — и тоже фыркнула.

Через минуту они смеялись обе: среди пыли, разбитых банок, крысиных следов и лавки, которая больше напоминала место преступления против санитарии, чем начало новой жизни.

Сабиха, стоявшая у двери с видом человека, который давно разочаровался в человечестве и теперь наблюдает его очередное подтверждение, сухо произнесла:

— Смейтесь, смейтесь. Крысы любят весёлых. У весёлых обычно падает еда.

Назлы подняла веник.

— Мы их выгоним.

— Попробуй. В прошлый раз одна унесла у меня кусок сушёного корня, который стоил дороже твоей обуви.

Назлы посмотрела на свои башмаки.

— После Чёрного Серая это не оскорбление. У меня теперь вся жизнь стоит дешевле моей бывшей кастрюли.

Айлин провела ладонью по старому прилавку. Пыль лег-

ла на пальцы серым налётом. Под ней дерево оказалось тёмным, крепким, с тонкой резьбой. Переплетённые линии. Нити.

Синяя нить.

Название было почти стёрто с вывески, но в самой лавке будто всё ещё держалось за стены.

— Сначала список, — сказала Айлин.

Назлы вскинула брови.

— Список чего? Погибших надежд?

— Работ.

— Тогда берите длинную бумагу.

Сабиха хмыкнула.

Айлин нашла в ящике под прилавком старый лист, почти чистый с обратной стороны, и обломок угля. Села на корточки у бочки, перевернула лист на колено и начала писать.

Печь — проверить.

Окно — открыть, доски снять.

Пол — вымести, вымыть, обработать щели.

Полки — разобрать, сломанные выбросить.

Банки — отмыть целые.

Кладовка — проверить.

Вода.

Травы.

Ткань.

Стол для осмотра.

Занавеска.

Замок.

Она остановилась.

Замок.

Тот, что был на двери, открывался так, будто сам удивлялся собственной работоспособности. Если сюда придут ночью — а кто угодно может прийти ночью, — ни он, ни крысы их не остановят.

— Нам нужен новый замок, — сказала она.

Назлы заглянула через плечо.

— Нам нужно золото, слуги, нормальная крыша и мужчина, который умеет чинить печи и молчать. Но начнём с замка, да.

Сабиха подошла ближе и ткнула пальцем в список.

— Забыла главное.

— Что?

— Деньги.

Айлин подняла глаза.

— Я не забыла.

— Забыла. В твоём списке всё выглядит так, будто вещи происходят от усилия и честной решимости. Это болезнь благородных женщин. Доски стоят денег. Травы стоят денег. Вода, если не хочешь таскать её сама с колонки, стоит денег. Даже крысы, если нанять мальчишек их выгнать, обойдутся в лепёшки.

Назлы мрачно посмотрела в сторону полки.

— Я могу выгнать бесплатно. С удовольствием.

— Крысы переживали пожары, голод и трёх владельцев этой лавки. Твоё удовольствие их не испугает.

Айлин положила уголь.

— Сколько у нас осталось?

Назлы тут же перестала шутить.

Она развязала свой узел, достала маленький тряпичный кошелёк, высыпала монеты на прилавок. Медяки звякнули жалко. Несколько мелких серебряных. Один потемневший жетон Чёрного Серая, который, возможно, уже ничего не значил.

Айлин добавила то, что осталось у неё после продажи серёжки и кольца: почти ничего.

Сабиха смотрела на монеты с таким выражением, будто перед ней лежал диагноз.

— На хороший веник хватит.

Назлы оскорбилась:

— Веник у нас уже есть.

— Тогда вы богаты.

Айлин молчала.

Она смотрела на крошечную кучку монет и чувствовала, как внутри снова поднимается страх. Не дворцовый, не острый, не связанный с Демиром, храмом или разводом. Другой. Бытовой. Тяжёлый.

Страх взрослой жизни без защиты.

Чем заплатить за крышу?

Что есть завтра?

Как купить травы?

Что делать, если она снова упадёт от слабости?

Куда идти, если лавку заберут?

В Чёрном Серае у неё отнимали право выбирать. Здесь выбор был. Но вместе с ним пришла цена.

И никто не обещал, что она сможет её заплатить.

— Значит, — сказала Айлин медленно, — сегодня мы делаем то, что не требует денег.

Назлы подняла веник как боевое знамя.

— Наконец-то моя специальность.

К полудню лавка стала хуже.

Потому что всё, что раньше было скрыто под пылью, теперь проявилось во всей честности.

Под прилавком они нашли мышиное гнездо, три сгнивших мешочка с травами, один медный подсвечник без ножки, сломанную ступку и старый детский башмак. Почему башмак лежал в лавке травницы, никто объяснить не смог.

— Может, лечили ногу, — предположила Назлы.

— Башмаком?

— У каждого лекаря свои методы.

Крысы отступали неохотно. Назлы стучала веником по полкам, ругалась так изобретательно, что Айлин несколько раз забывала, что должна быть измученной и несчастной. Сабиха сидела на перевёрнутом ящике у двери и делала вид, что не помогает, хотя время от времени бросала короткие указания:

— Эту банку не выбрасывай. Стекло хорошее.

— Траву не трогай голыми руками, если не хочешь чесаться до послезавтра.

— Не мой пол холодной водой, дура, сырость поднимешь. Сначала вымести.

— Печь не зажигать. Треснет — сдохнете от дыма красиво и вместе.

— Вы могли бы сказать хоть одно доброе слово? — не выдержала Назлы.

Сабиха подумала.

— Веник держишь правильно.

— Я растрогана.

Айлин перебирала банки у окна. Некоторые были целыми, только мутными от времени. Она представляла, как отмоет их, поставит на полку, наклеит ярлыки. Согревающее масло. Мазь от ожогов. Настой от кашля. Порошок для сна.

Не сразу.

Но когда-нибудь.

В какой-то момент в дверях остановилась девочка.

Лет двенадцать, худая, в короткой куртке, с обрезанными неровно волосами и глазами, в которых было слишком много улицы. Она держала в руках корзинку с черствыми лепёшками и смотрела на разгром в лавке с откровенным интересом.

— Вы новые? — спросила она.

Назлы обернулась с веником.

— Нет, старые. Просто хорошо сохранились.

Девочка не улыбнулась.

— Тут травница раньше была. Потом пропала.

Айлин выпрямилась.

— Ты её знала?

— Все знали. Она давала капли, если ночью сердце болело. И брала мало.

Сабиха резко посмотрела на девочку.

— Меньше языком, Ася.

Девочка — Ася — скосила глаза на старуху.

— А я что? Я ничего.

— Вот и продолжай.

Ася снова посмотрела на Айлин.

— Вы будете лечить?

Вопрос прозвучал просто.

Но Лейла вдруг почувствовала, как все в лавке замолчали.

Даже Назлы.

Даже крысы, возможно, прислушались.

Она могла сказать нет.

Это было бы разумно. Безопасно. Почти правильно.

Она не лекарка этого мира. У неё нет лицензии. Нет защиты. Нет денег. Есть только дар, который может привести к храму, и собственное упрямство, от которого Сабиха уже морщится как от кислого молока.

Но перед глазами сразу возник Арда.

Его синие губы. Холодные чешуйки. Вдох — первый нормальный вдох после приступа.

— Буду помогать, — сказала Айлин. — Если смогу.

Ася кивнула так, будто это был ответ на куда более важный вопрос.

— Тогда вам вывеску надо поправить. А то "Синяя ни…" читается как "Синяя нищета".

Назлы хмыкнула.

— Девочка мне нравится.

— Я не девочка. Я курьер.

— Чей?

— Кто платит, того и курьер.

Сабиха сухо сказала:

— Ворует быстро, бегает быстрее.

— Я не ворую, если мне платят заранее.

Айлин посмотрела на лепёшки.

— Сколько?

Ася вскинула подбородок.

— Две медяшки за четыре. Они вчерашние, но если подогреть, почти сегодняшние.

Назлы возмутилась:

— За вчерашние лепёшки две медяшки? Да ты грабительница с детским лицом!

— У меня не детское лицо.

— Это точно. У тебя лицо торговки, которая родилась сразу с долгами.

Айлин достала монеты.

Сабиха резко сказала:

— Не трать.

Но Айлин уже протянула деньги.

— Четыре лепёшки.

Ася взяла монеты, пересчитала, потом вдруг добавила в корзинку пятую.

— Эта сломанная. За неё не считается.

— Спасибо.

Девочка пожала плечами.

— Если будете лечить, люди придут. Тут все болеют. Просто не все признаются.

Она исчезла так же быстро, как появилась.

Назлы посмотрела ей вслед.

— Маленькая сорока.

Сабиха пробормотала:

— Полезная сорока. Только сумку при ней держи крепче.

Лейла взяла одну лепёшку, разломила. Черствая, кисловатая. Но еда.

Она протянула кусок Назлы, потом Сабихе.

Старуха фыркнула, но взяла.

Они ели стоя, среди пыли, мусора и недостроенного будущего.

И почему-то эта трапеза была теплее всех ужинов Чёрного Серая.

К вечеру удалось открыть окно.

Это стало событием.

Доски держались на ржавых гвоздях, и Назлы сражалась с ними почти час. В конце концов Сабиха ушла куда-то и вернулась с мальчишкой, который за одну медяшку и половину лепёшки выдрал гвозди так ловко, будто делал это с колыбели.

Когда последняя доска упала, в лавку ворвался свет.

Не яркий — Пепельные ворота не щедры на свет. Но на-

стоящий.

Пыль закружилась в воздухе золотистыми частицами. На полу проявились пятна, трещины, следы времени. На старом прилавке резные нити стали видны яснее.

Айлин стояла в этом мутном вечернем свете и вдруг почти физически почувствовала: место проснулось.

Не ожило ещё.

Но открыло глаза.

Назлы прислонилась к вен или к стене, усталая и пыльная до неузнаваемости.

— Если завтра у меня отвалятся руки, я завещаю их этой лавке. Пусть хоть они тут работают.

Айлин улыбнулась.

— Завтра начнём с печи.

— Завтра начнём с того, что я буду лежать на полу и жаловаться.

— Пол ещё грязный.

— Значит, жаловаться буду стоя.

Сабиха собирала свою сумку.

— На сегодня хватит. Иди спать.

Айлин посмотрела на полки.

— Ещё немного.

— Нет.

— Я только…

— Нет, — повторила Сабиха жёстче. — Ты после яда, после выброса искры и после целого дня с веником, хотя по-

следнее, возможно, самое опасное. Хочешь умереть — выбери способ умнее уборки.

Назлы оживилась:

— Я тоже говорила.

— Ты говорила много. Случайно попала в смысл.

Айлин хотела возразить, но в этот момент в двери постучали.

Не робко, не соседски.

Тяжело.

Три удара.

Так стучат люди, которые уже решили, что имеют право войти.

Назлы мгновенно выпрямилась. Сабиха повернула голову. Айлин почувствовала, как усталость отступает, уступая место настороженности.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина в кожаном жилете, с короткой бородой и толстой цепью на шее. За его спиной маячили двое широкоплечих парней. Не стража. Хуже. Люди, которым закон нужен только тогда, когда его можно свернуть в дубинку.

Мужчина оглядел лавку.

— Значит, открылись.

Сабиха тихо выругалась.

Айлин услышала и напряглась.

— Мы ещё не работаем, — сказала она.

Мужчина улыбнулся.

— А мне лечиться не надо. Мне платить надо.

Назлы шагнула вперёд.

— Вы кто такой?

— Джем Олук. Сбор долгов по Пепельным воротам. Лавка должна.

Айлин медленно положила тряпку на прилавок.

— Кому должна?

— Мне.

— За что?

Он усмехнулся шире.

— А ты смешная, госпожа. Лавка сменила руки, долг остался. Аренда, охрана, старые проценты, плата за спокойствие.

— За спокойствие? — переспросила Назлы. — Это когда такие, как вы, не приходят?

— Умная кухарка.

— Безработная, — поправила Назлы. — Могу позволить себе быть грубой.

Джем посмотрел на неё так, что у Айлин внутри похолодело.

— Грубость стоит дороже.

Сабиха вышла из тени.

— Олук.

Мужчина заметил её и немного изменился в лице.

Не испугался. Нет.

Но вспомнил что-то неприятное.

— Сабиха-ана. Давно не виделись.

— Недостаточно давно.

— Лавка теперь не твоя.

— И не твоя.

Он пожал плечами.

— Зато долг мой.

Айлин смотрела на него и понимала: вот он, настоящий Пепельный закон. Не храмовый, не родовой, не серебряный. Простой. Кто слабее — тот платит.

— Сколько? — спросила она.

Джем назвал сумму.

Назлы выдала звук, от которого крысы в кладовке наверняка умерли бы от уважения.

— Да за такие деньги можно купить половину этой улицы!

— Купи, — любезно сказал Джем. — А пока плати за эту дыру.

Айлин сжала пальцы.

— У меня нет таких денег.

— Конечно нет. Поэтому я добрый.

Сабиха фыркнула.

— С детства мечтал услышать это от себя?

Джем не посмотрел на неё.

— Три дня.

Айлин подняла глаза.

— Что?

— Даю три дня. Платишь долг — работаешь. Не платишь

— лавка переходит ко мне. Вместе с полками, крышей, вывеской и всем, что ты успеешь сюда притащить.

Назлы шагнула вперёд, но Айлин остановила её рукой.

— На каком основании?

Джем вынул из-за пазухи мятый лист с печатью. Бумага была грязная, но печать — настоящая. Или похожая на настоящую. Айлин пока не могла отличить.

Сабиха посмотрела на лист и побледнела от злости.

— Старая расписка.

— Долги не стареют, ана. Они взрослеют.

Айлин взяла лист.

Буквы расплывались перед глазами от усталости, но несколько слов она разобрала. Обязательство. Проценты. Помещение. Невыплата. Передача права пользования.

Ловушка.

Лавка, которую она только что начала видеть живой, уже стояла на краю чужого кармана.

Джем наклонился ближе.

— Три дня, госпожа Карахан. Или как тебя теперь? Севран? Бывшая? Не важно. У Пепельных ворот титулы быстро стираются.

Он повернулся к выходу.

У двери остановился и добавил:

— И да. Охрана входит в долг. Пока не заплатишь — никто не гарантирует, что с твоей лавкой ничего не случится.

Дверь закрылась.

Некоторое время в лавке было тихо.

Потом Назлы медленно сказала:

— Я всё-таки назову крысу Гюльшан. А этого — Демиром. Пусть знают, что у нас тут целая система вредителей.

Айлин не улыбнулась.

Она смотрела на расписку.

Три дня.

Три дня, чтобы найти деньги.

Три дня, чтобы удержать место, которое ещё даже не стало домом.

Три дня, чтобы доказать, что свобода — не случайная передышка между двумя клетками.

Сабиха забрала у неё бумагу.

— Можно уйти, — сказала она неожиданно тихо. — Сейчас. Пока ты вложила только серьги, кольцо и один день глупого труда.

Айлин посмотрела на вывеску за окном.

Перекошенную. Выцветшую.

“Синяя нить”.

Потом на пыльные полки. На открытое окно. На следы их рук на прилавке. На Назлы, усталую, взъерошенную, злую. На старую Сабиху, которая предлагала отступить, но почему-то не уходила первой.

— Нет, — сказала Айлин.

Назлы вздохнула.

— Я так и знала.

Сабиха прищурилась.

— Это не дворцовый совет, девочка. Тут красивой фразой долг не заплатишь.

Айлин взяла веник.

Руки дрожали.

Но держали.

— Значит, будем платить некрасиво.

Назлы медленно улыбнулась.

— Вот теперь мне нравится.

За стеной снова зашуршала крыса.

Назлы повернулась к кладовке.

— Слышала, Гюльшан? У нас три дня. Начинай молиться, чтобы я не нашла тебя первой.

И впервые за весь день лавка показалась Айлин не развалиной.

А крепостью.

Маленькой. Грязной. Почти безоружной.

Но своей.

Глава 10. Три дня на жизнь

Первый день из трёх начался с дыма, кашля и полной уверенности Назлы, что крысы смеются над ними из кладовки.

— Я слышала, — заявила она, стоя посреди лавки с тряпкой на плече. — Там кто-то пискнул с издёвкой.

Айлин растирала в ступке сухие листья горькой мяты и даже не подняла головы.

— Может, это была обычная мышь.

— Обычная мышь не звучит как Гюльшан Таш, когда ей отказали в праве на чужой плащ.

Из кладовки раздался короткий шорох.

Назлы ткнула туда пальцем.

— Вот. Слышали? Она согласна.

Айлин устало улыбнулась.

После вчерашнего долгового визита лавка будто стала меньше. Стены теснее. Потолок ниже. Даже свет из расколоченного окна казался не утренним, а отсчитывающим время: три дня, два дня, один.

Она почти не спала.

Сидела за старым прилавком и считала монеты, пока цифры не начинали расплываться. Потом составляла список того, что можно сделать без денег. Потом перечёркивала половину, потому что даже “без денег” в Пепельных воротах стоило денег.

Сабиха утром принесла два мешочка трав и сказала:

— Это не подарок. Это долг. Запишешь.

— У меня уже есть долг.

— Значит, будет коллекция.

— Вы умеете утешать.

— Утешать умеют те, у кого нет полезных навыков.

После этого она показала Айлин, как растереть сушёный корень жаровника для согревающей мази, как смешать его с жиром и каплей горького масла, чтобы не обжечь кожу, как отличить безвредную синюю плесень на старых травах от той, после которой "человек три дня видит умерших родственников и иногда женится на табуретке".

Назлы слушала, открыв рот.

— И такое бывает?

— В Пепельных воротах? Бывает всё. Особенно дурость.

Айлин работала молча.

Её руки помнили другое: современные массажные масла, стерильные салфетки, аптечные баночки, детские дыхательные тренажёры из яркого пластика. Здесь были глиняные плошки, старые тряпки, нож с кривым лезвием, травы с названиями, которые приходилось повторять по пять раз.

Но принцип оставался тем же.

Не навреди.

Согрей.

Облегчи боль.

Дай человеку возможность пережить ещё один день.

К полудню на прилавке стояли шесть маленьких баночек мази от ожогов, четыре свёртка трав для ночного кашля и три компресса от ломоты в суставах. Всё это выглядело так жалко, что Назлы поставила рядом старую миску с водой, вытерла прилавок ещё раз и объявила:

— Теперь выглядит как торговля, а не как похороны лекарских надежд.

Айлин посмотрела на дверь.

— Осталось дождаться покупателей.

— Покупатели не дождь, госпожа. Сами не прих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.